

Амалия Лонг

В сердце дракона

«Литнет»

2026

Лонг А.

В сердце дракона / А. Лонг — «Литнет», 2026

Она умерла в своём мире — и не должна была проснуться снова. Но вместо тьмы её встретил мир, где в небе разрывают облака драконы, а магия течёт в крови империй ☆☆ Теперь она — чужая девушка с опасной судьбой и меткой, за которую убивают без суда △# Её считают угрозой. Её ищут. Её боятся. А он... он должен был стать её приговором ✂# Дракон . Наследник империи. Холодный, опасный и беспощадный. Но вместо смерти он выбрал её. И совершил ошибку, которая изменит всё Между ними не должно было быть ничего — ни чувств, ни связи, ни будущего... Но пламя дракона не подчиняется приказам Одна ночь разрушит границы. Одна связь сделает её его судьбой. И один секрет изменит империю навсегда... Потому что она носит под сердцем ребёнка дракона И теперь охота начинается не только на неё — но и на ту, что станет наследницей пламени В книге вас ждёт: ☆☆ Попаданка в другой мир Драконы и драконья империя Наследник престола Запретная любовь Магия крови и древние метки ✂# Дворцовые интриги и борьба за власть Ребёнок от дракона и тайна наследия Охота на героиню и побег Опасная связь, которую невозможно разорвать Дни выкладки: Пн/Ср/Пт в 00:00

© Лонг А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Смерть, которой быть не должно	5
Глава 2. Город, который хочет меня убить	9
Глава 3. Чужое тело, чужая судьба	15
Глава 4. Метка драконьей крови	21
Глава 5. Императорские ищейки	26
Глава 6. Спасение	30
Глава 7. Сделка	35
Глава 8. Первый срыв	40
Глава 9. Не человек	44
Глава 10. Притяжение между нами	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Глава 1. Смерть, которой быть не должно

Я умираю в понедельник в 8:47 утра.

Не от пули. Не от болезни. Не от рук маньяка. Не от разбитого сердца — хотя с моей работой и кредитами можно было бы.

Я просто перехожу дорогу на зелёный свет.

А водитель красного «Форда» — сонный, с телефоном в руке и, видимо, с чувством полной безнаказанности — проезжает на красный.

Всё.

Без пафоса. Без замедленной съёмки. Без ангелов и флешбэков о смысле жизни.

Удар в бедро. Хруст. Потом — темнота.

Даже боли нет. Только странное ощущение полёта — будто меня выдернули из собственного тела, как пробку из бутылки. А потом — пустота.

Абсолютная. Тёплая. Без единой мысли.

Я думала, смерть — это холодно. Оказывается, она похожа на старый, уютный диван, с которого не хочется вставать.

Но не тут-то было.

Эта пустота взрывается болью через секунду. Или через вечность — я не уверена.

Не той тупой болью сломанных рёбер или размозжённой ноги, которую я ожидала после наезда. Нет.

Эта боль — живая. Текучая. Она течёт по венам, как расплавленный свинец. Она жжёт изнутри, будто кто-то зажжёт костёр в моей грудной клетке и забыл погасить. Я чувствую каждую косточку, каждый нерв, каждый крошечный сосуд — и все они кричат на разных голосах.

Моё сердце колотится где-то в горле. Лёгкие горят. Глаза запечатаны, но веки наливаются светом — красным, пульсирующим.

Где я? Что происходит? Я в реанимации? Меня поджаривают на адской сковородке?

— Она приходит в себя, — слышу мужской голос.

Холодный. Равнодушный. Как у патологоанатома, который смотрит на труп и ставит диагноз «мёртв» — без капли сожаления.

— Долго ли протянет? — другой голос. Женский. Тоже без эмоций. Словно речь идёт о просроченном йогурте, а не о человеке.

— Пара минут. Кровь дракона её сожжёт.

Я не понимаю ни слова. Но от этих фраз становится страшнее, чем от боли.

Кровь... дракона?

Я открываю глаза.

Потолок надо мной — из чёрного, грубо отёсанного камня. Сводчатый. Между плитами сочится что-то зеленоватое — то ли мох, то ли магия. На стенах горят факелы. Не лампочки. Не светодиодные ленты. Настоящие факелы — железные корзины с огнём, которые пахнут дымом, горящим маслом и чем-то сладковатым, как старая смола.

Я не в реанимации.

Я не в своей однушке на окраине, где меня никто не хватится до вечера.

Я вообще не в своём мире.

Пытаюсь пошевелиться — и не могу.

Мои руки прикованы к каменному столу. Тонкие, но тяжёлые цепи из металла, который отликает серебром. Кожа под ними уже красная, воспалённая, с тёмными полосами — будто цепи вгрызаются в меня даже без движения.

Я дёргаюсь. Цепи звенят глухо, как колокольный набат.

— Не дёргайся, — говорит женщина.

Она наклоняется надо мной, и я вижу её впервые полностью.

Красивая. Страшная красота, от которой хочется закрыться руками. Белые, как молоко, волосы собраны в высокую причёску, открывая острые скулы и тонкую шею. Кожа белая — почти прозрачная, с голубоватыми прожилками. Глаза — жёлтые, с вертикальным зрачком. Как у змеи. Как у хищной птицы.

На лбу — тонкая диадема с чёрным камнем. Камень пульсирует — то тускнеет, то вспыхивает в такт её дыханию.

Она рассматривает меня так, будто я — лабораторная мышь.

— Ты не должна была выжить после перехода, — говорит она мне прямо в лицо. Её дыхание холодное — в нём нет тепла живого человека. — Но ты выжила. Значит, в тебе есть то, что мы ищем.

Мой голос хрипит, как у курящей тридцать лет учительницы.

— Где я?

— В империи драконов, девочка. В месте, которое сожрёт тебя заживо, если ты не скажешь правду.

— Какую правду?

Женщина улыбается. У неё ровные, слишком белые зубы — и клыки. Маленькие, но острые.

— Твоё тело заняло то, что не принадлежало тебе. Та, кто была здесь до тебя, украла кое-что у императорского дома. Очень ценное. Очень опасное. А теперь — ты будешь за неё отвечать. Так что говори: где артефакт?

— Я не знаю никакого артефакта! — мой голос срывается на фальцет.

Она выпрямляется. Смотрит на мужчину за моей спиной — я его не вижу, только слышу тяжёлые шаги.

— Начинайте переливание. Если она умрёт — хотя бы узнаем, где артефакт. Кровь дракона выжжет ложь из её вен.

— Что значит «переливание»? — я дёргаю цепи, но они не поддаются. — Вы не имеете права! Я ничего не крала!

Меня не слушают.

Я чувствую холодное прикосновение к локтевому сгибу. Острый укол — игла толще, чем в больнице. И по венам начинает течь что-то... живое.

Огненное. Пульсирующее. Горячее, как лава.

Это не кровь человека. Это кровь чудовища.

Моё тело выгибается дугой. Я не могу закричать — горло перехватывает спазмом. Только открываю рот в беззвучном крике, а из глаз текут слёзы — но не от боли, а от того, что внутри меня происходит что-то непоправимое.

Моя кожа начинает светиться.

Сначала бледно-красным, как уголёк. Потом — ослепительно-белым, как сварочная дуга. Я вижу свои вены сквозь кожу — они горят золотом.

На моём запястье, там, где секунду назад ничего не было, проступает знак.

Он выжигается на коже, как клеймо — но не оставляет шрама. Просто... возникает. Золотой дракон, свернувшийся кольцом. Его глаза — две крошечные рубиновые точки. И он дышит. Я чувствую это — дракон на моей руке шевелится.

Женщина замирает.

Вся её белая, холодная красота трескается, как лёд под ногами. Она хватается меня за руку, вертит её, не веря своим жёлтым глазам.

— Это... — её голос дрожит впервые. — Этого не может быть.

— Что это? — голос мужчины тоже дрогнул.

— Метка истинной наследницы, — шепчет женщина. — Она не вор. Она... кровь императорского дома. Живая кровь.

— Но это невозможно, — мужчина подходит ближе. Я вижу его край — чёрную мантию, рукав с серебряной вышивкой. — Последняя наследница умерла сто лет назад.

— Видимо, нет, — женщина отпускает мою руку, будто обожглась. — Или... она не человек.

Они оба смотрят на меня.

А я смотрю на свою руку, где золотой дракон уже не просто светится — он движется. Медленно ползёт по запястью вверх, к локтю, оставляя за собой золотую дорожку.

И в этот момент дверь камеры взрывается.

Не от удара ногой. Не от взрывчатки.

От пламени.

Настоящего, белого, древнего пламени, которое не горит — оно испепеляет. Огненная волна сносит факелы со стен, плавит камни входа. Мужчина в чёрной мантии отлетает к противоположной стене и затихает — я не знаю, жив ли он. Женщина выставляет магический щит — серебряная сфера вокруг неё, — но её отбрасывает в угол, щит трескается, и она падает на колени.

В проёме, где только что была дверь, стоит он.

Я не вижу лица — только силуэт на фоне огня.

Высокий. Широкие плечи, перетянутые кожаными ремнями. Волосы — чёрные, длинные, до плеч, растрёпанные — будто он только что дрался. Глаза... глаза я вижу даже отсюда. Вертикальные зрачки. Золотые радужки. Как у дракона. Как у той женщины — но другие. В её глазах было холодное хищничество. В его — пламя.

Он — обычный мужчина. Нет крыльев, нет чешуи. Просто мужчина. Очень большой. Очень опасный. Тот, кто может одним движением сжечь дотла.

Он смотрит на меня.

На цепи.

На знак, горящий на моей руке.

И я слышу его голос прямо у себя в голове — низкий, опасный, бархатный, как рык, превращённый в шёпот:

— Кто ты такая, маленькая самозванка?

Он делает шаг ко мне.

Всего один шаг.

Цепи падают сами собой — серебряные звенья рассыпаются в ржавую пыль, даже не коснувшись его.

Моё тело больше не слушается. Я сползаю с каменного стола, падаю на колени перед ним. Не от страха. От слабости. Драконья кровь всё ещё горит во мне, разрывая изнутри — но теперь она как будто... поёт. Она радуется ему.

Он наклоняется. Берёт меня за подбородок. Пальцы горячие — до ожога. Поднимает моё лицо к себе.

И впервые я вижу его глаза вблизи.

Не золотые. Не жёлтые. Глаза расплавленной лавы — в них плывут красные и оранжевые прожилки. В них нет ничего человеческого. Ни капли. Но есть что-то другое — древнее. Опасное. Притягательное, как огонь для мотылька.

— Ты пахнешь моей кровью, — говорит он тихо. — Как это возможно?

Он проводит большим пальцем по моей щеке. Оставляет золотой след — откуда? Моя кожа светится под его прикосновением.

— Я... — начинаю я, но он прижимает палец к моим губам.

— Молчи. Если ты скажешь неправду, я это почувствую. И тогда я сожгу тебя быстрее, чем эта женщина успеет моргнуть. А она, как видишь, живучая.

Он кивает в угол. Женщина с белыми волосами уже поднимается, её щит затягивается, но она не нападает. Смотрит. Ждёт.

Он ждёт тоже.

В комнате тишина. Только потрескивает огонь, который он принёс с собой, да где-то далеко завывает сирена.

И я принимаю решение.

Самое безумное в моей жизни (и в той, что у меня была до этого).

Я поднимаю на него глаза. Смотрю прямо в эти лавовые зрачки. Не отвожу взгляд. Не зажмуриваюсь. И говорю правду — потому что врать дракону смертельно, а умирать дважды за один час мне как-то многовато даже для нового мира.

— Я не знаю, кто я в этом мире. Я не знаю, почему моё тело украло чужую жизнь. Я не знаю, где этот ваш артефакт, и знать не знаю ваших законов. И я не знаю, почему твоя кровь не убила меня. Но я знаю одно.

Он молчит. Ждёт. Его зрачки расширяются — или мне кажется?

— Я не твой враг, — говорю я. — И если ты дашь мне пять минут, я докажу.

Его пальцы сжимаются на моём подбородке сильнее. Не больно — просто очень крепко. Как будто он проверяет — не сломаюсь ли я.

— Пять минут, — повторяет он. — А потом, если ты солгала... ты узнаешь, что драконы едят мясо сырым.

Он отпускает меня.

Встаёт во весь рост — и я понимаю, насколько он огромен. Не просто высокий — он шире меня в два раза. Плечи — как перегиб лавы. На руках — шрамы. Много шрамов.

И за его спиной — нет крыльев. Только тьма и огонь.

Он не чудовище сейчас. Он мужчина. Самый опасный мужчина из всех, кого я видела.

Но я знаю — он может им стать. В любой момент. Превратиться в дракона. И тогда мне не спастись.

Я в мире драконов.

Я в теле предательницы.

И во мне течёт кровь императорской семьи — его семьи, я чувствую это по тому, как его лицо исказилось, когда он увидел метку.

— Пять минут, — шепчу я себе под нос, глядя, как он отходит к окну (к проёму в стене без стекла, с которого видно три луны). — Лина, ты в полной заднице.

Но где-то глубоко внутри — там, где горит его кровь — теплеет.

Страх не уходит. Но появляется что-то ещё.

Злость? Азарт?

Или просто желание выжить.

Хотя бы ради того, чтобы узнать — почему этот мужчина с глазами лавы смотрит на меня так, будто я — его давно потерянная надежда.

Глава 2. Город, который хочет меня убить

Пять минут — это ничтожно мало, когда тебе нужно доказать дракону, что ты не лжёшь. Но это бесконечно много, когда твои вены только что промыли расплавленным золотом.

Я стою на коленях в луже собственной крови. Пол каменный, холодный — холод пробивается сквозь тонкую ткань платья, которого у меня никогда не было. Когда я успела его надеть? Мысли путаются, натыкаются друг на друга, как испуганные мыши.

Запах в камере — смесь гари, озона и чего-то приторно-сладкого. Как будто кто-то сжёг мёд.

Мужчина не двигается. Стоит в трёх шагах, скрестив руки на груди. В простой чёрной рубашке с закатанными рукавами. Без доспехов. Без крыльев — обычный мужчина. Но взгляд... взгляд выдает в нём зверя. Глаза цвета лавы смотрят в упор, не моргая.

Он рассматривает меня. Не как женщину. Как карту. Как загадку, которую нужно разгадать до того, как она взорвётся.

— Четыре с половиной, — произносит он спокойно. Голос без интонаций, как у диктора прогноза погоды перед ураганом. — Время идёт.

Я поднимаюсь. Ноги трясутся — не от страха, от слабости. Драконья кровь всё ещё гуляет по венам, нагревая тело изнутри, но уже не жжёт. Теперь она пульсирует в такт сердцу. Каждый удар — маленький взрыв где-то под рёбрами.

Опускаю взгляд на своё запястье. Золотой дракон затих, свернулся в кольцо, но не исчез. Он теперь часть меня. Как родинка. Как шрам. Как память, которую не выбрасывают.

— Для начала, — говорю я, и удивляюсь, как ровно звучит голос. — Я не та, кого вы ищете.

— Очевидно, — его губы кривятся в усмешке. Одной стороной. Болезненной. — Та, кого мы искали, при виде меня падала на колени и умоляла о пощаде. Ты смотришь мне в глаза. Это уже странно.

— Привыкла не бояться начальников, — вырывается у меня прежде, чем я успеваю подумать.

Он молчит. Один его палец — длинный, с тёмной пластиной ногтя — начинает выстукивать ритм по предплечью.

— Я не из этого мира, — продолжаю я. — Совсем. Не из вашей империи, не из соседней страны. Из другого. Где нет драконов и магии. Где люди убивают друг друга колёсными гайками на парковке, а не огнём.

— Удобная легенда, — тихо говорит он. — Для шпионки.

— Шпионки? — я не сдерживаю смешок. Он выходит горьким и сухим. — Я три года сидела в открытом офисе, где стёкла от пола до потолка. Моя главная миссия была — не уснуть после обеда, когда начальник вешает на меня чужую отчётность. Какая из меня шпионка? Я даже кота не могла завести — аллергия.

Он делает шаг ко мне. Один. Медленный. Каблуки его сапог стучат по камню с интервалом в целую вечность.

Теперь мы почти вплотную. Он выше меня на две головы. Нет, на три. Мне приходится запрокидывать лицо так сильно, что шея хрустит.

Он пахнет. Не парфюмом. Гарью, металлом и чем-то диким — как зверинец после дождя. И под всем этим — тепло. Сухое, обжигающее, как воздух у печи.

— Тогда докажи, — его голос теряет ледяную ноту, становится просто низким. Бархатным. — Где артефакт?

— Я не знаю!

— Что ты знаешь?

Я замираю.

А ведь действительно — что?

Моё имя — Лина. Двадцать шесть лет. Ненавидела свою работу. Спала по пять часов. Платила ипотеку. Раз в месяц пила вино с подругой, которая всё равно говорила только о себе.

Это всё. Моя биография помещается в три строчки.

А что я знаю об этом мире?

Ничего.

Кроме того, что здесь драконы умеют принимать человеческий облик. Что эта женщина с жёлтыми глазами — явно не моя подружка. И что на моей руке теперь живёт золотой ящер, который светится в темноте.

Я смотрю на своё запястье. Дракон на коже уже не просто светится — он меняет цвет. С золотого на медный, с медного на багровый. И под этим светом проявляется что-то ещё.

Вены.

Они тоже светятся. Тонкие золотые нити поднимаются от запястья к локтю, от локтя к плечу, от плеча к шее.

— Это... — я подношу руку к лицу, разглядывая карту под кожей.

Он перехватывает моё запястье. Резко. Властно. Его пальцы горячие — слишком горячие для человека. Они оставляют отпечатки, которые я чувствую даже сквозь нарастающий жар.

— Метка активировалась, — говорит он тихо. — Не просто так. Ты что-то почувствовала?

— Жар, — честно отвечаю я. — И... звук.

— Какой звук?

Я закрываю глаза, чтобы вслушаться.

Сначала тишина. Потом — едва уловимая вибрация. Будто где-то глубоко под землёй бьются сотни сердец. Или тысячи. Ритмично. Слаженно. Как оркестр перед выступлением.

— Сердцебиение, — шепчу я. — Много сердец. Они зовут... меня?

Он отпускает мою руку, как будто обжёгся. Отступает на шаг. В его глазах — лава плеснула, залила радужку.

— Ты слышишь рой, — выдыхает он. Не вопрос. Утверждение.

— Что за рой?

— Драконьи души нерождённых. Те, кто ждёт своего часа в глубине. Их может слышать только истинная наследница. Или тот, кто носит в себе кровь императора.

Он смотрит на меня так, будто я — не женщина, а живая бомба. Красивая. Опасная. С неизвестным таймером.

— Тебя нельзя убивать, — говорит он медленно, растягивая слова, будто пробуя их на вкус. — И нельзя оставлять в живых. Ты — проблема. Ходячая. С меткой.

— Отличное резюме, — бормочу я. — Добавь «любит кофе и долги», и можно отправлять в тиндер.

Он не понимает шутку. Или понимает, но не оценивает.

В этот момент дверь — вернее, то, что от неё осталось — начинает затягиваться серебристой плёнкой. Магия. Она течёт по краям, как вода, заклепывает трещины, укрепляет камни.

А снаружи — шаги.

Много шагов. Тяжёлых. Стук металла о камень. Лязг доспехов.

— Стража, — коротко бросает он, не оборачиваясь. — Идут. Вся цитадель уже знает, что метка вспыхнула. Через пять минут здесь будет армия.

— А ты?

— А я — предатель, который сжёг дверь и не убил тебя, когда приказ был иным. Так что у нас обоих нет выбора.

Он хватает меня за руку. Не спрашивая разрешения. Просто — рывок, и я лечу за ним, как тряпичная кукла, которую ветер подхватил.

— Ты куда? — кричу я, спотыкаясь о собственные ноги.

— Туда, где у нас будет больше пяти минут.

Он тащит меня в узкий коридор за камерой. Факелов здесь нет — только темнота, сырость и запах вековой пыли. Стены грубые, неотёсанные. Пол скользкий.

Я спотыкаюсь второй раз, третий. Он не отпускает. Его рука — стальной капкан. Тёплый.

— Кто ты вообще такой? — выдыхаю я на бегу. — У драконов есть имена или мне называть тебя «сэр сжигатель»?

Он не оборачивается. Но я слышу усмешку.

— Даркэн.

— Что?

— Моё имя. Даркэн из рода Пепельных. Если мы выживем — запомнишь. Если нет — не важно.

Коридор заканчивается. Мы вылетаем на балкон.

Нет, не балкон. Смотровая площадка на вершине башни. Каменные перила до пояса. Ветер — сильный, солёный — бьёт в лицо.

И я замираю.

Потому что мир, который я вижу, невозможно описать словами, которые знаю.

Три луны в небе.

Огромные. Близкие. Кажется, до них можно дотянуться рукой. Одна — красная, как свежая рана. Вторая — золотая, расплавленная, с чёткими кратерами. Третья — бледно-голубая, как кусочек льда в бокале.

Между ними — драконы.

Настоящие. Живые. Не люди. Не перевёртыши в человеческой форме. А огромные крылатые ящеры, которые прячут над городом.

Они кружат над столицей, которая раскинулась внизу на много миль. Город из чёрного и белого камня — контрастный, как клавиши пианино. Шпили уходят в небо, выше облаков. Каналы светятся синим — не вода, не светодиоды, магия. Жидкий свет течёт по улицам, как вторая река.

Драконы в небе переливаются в свете трёх лун. Я вижу красного, огромного, с гребнем на спине. Вижу серебряного — он ниже, быстрее. Вижу чёрного — он парит неподвижно, как каменное изваяние.

Внизу, у подножия башни, — армия.

Сотни воинов в чёрных доспехах с золотыми вставками. Их копья направлены вверх. На щитах — дракон, кусающий свой хвост. Над ними — знамя с золотым драконом на чёрном поле.

— Империя Драконов, — говорит Даркэн тихо. Его голос теперь звучит иначе. Не холодно. Устало. — Столица — Кар-Дракон. Три миллиона живых душ. Две трети — люди. Остальные — оборотни, маги и моя порода.

— Твоя порода?

— Драконы-перевёртыши. Мы рождаемся в человеческом теле. Второе обличье приходит в двадцать лет. Тогда мы впервые превращаемся. И с тех пор можем перекидываться по желанию.

Он поворачивается ко мне. Ветер треплет его чёрные волосы, открывая шрам на шее — старый, белый, похожий на след от когтя.

— Добро пожаловать в ад, Лина.

— Откуда ты знаешь моё имя? — я резко поворачиваюсь к нему. — Я не называла его. Ни разу.

Он усмехается. И в этой усмешке впервые проскальзывает что-то опасное. Мужское. То, от чего внутри всё сжимается, а ладони становятся влажными.

— Ты говорила во сне. Пока кровь жгла тебя. Ты звала кого-то. Плакала. И сказала: «Лина, не умирай».

— Я говорила сама с собой?

— Ты бредила. Имя повторилось трижды. Я запомнил.

Мне становится не по себе. Холодок ползёт по позвоночнику — не от ветра.

— Что ещё я говорила?

— Достаточно, чтобы понять — ты не отсюда, — он делает шаг вперёд, сокращая расстояние. Теперь между нами нет ничего. Я чувствую жар его тела даже сквозь воздух. — Но этого мало, чтобы я тебе поверил.

— Тогда что тебе нужно?

Он наклоняется. Медленно. Неотвратно.

Его губы почти касаются моего уха. Голос — шёпот, от которого мурашки бегут по коже, а волосы на затылке встают дыбом:

— Покажи мне свою магию. Если она есть. Потому что без магии ты не выживешь здесь и дня. А я не собираюсь спасать тех, кто не может спасти себя сам. У меня уже были такие. Они мертвы.

Он отступает на шаг. Смотрит в упор.

Я остаюсь одна. Стою на краю башни, ветер хлещет по лицу, три луны смотрят на меня, как три глаза чудовища. Внизу — армия, готовая разорвать меня на части. Рядом — мужчина, который спас меня, но не верит ни одному слову. И который в любую секунду может превратиться в чудовище.

Магия?

У меня нет никакой магии.

Или есть?

Я закрываю глаза. Пытаюсь отключить страх. Отключить мысли. Просто — чувствовать.

Тот жар, который был внутри, когда вливали кровь. Он всё ещё там. Не ушёл. Он затаился — где-то глубоко, в солнечном сплетении, как уголёк в золе. Маленький. Глеющий.

— Не получится, — шепчу я себе. — Это всё нереально. Я сейчас проснусь в своей постели, и чайник уже закипел.

Но уголёк вспыхивает.

Не от моей веры. От отчаяния.

Мои пальцы начинают светиться. Бледно-золотым. Сначала кончики. Потом фаланги. Потом вся кисть. Огонь — маленький, крошечный, размером с монетку, — вырывается из кончика указательного пальца.

Не обжигает.

Не пугает.

Он просто горит.

Я открываю глаза.

Огонь горит. Настоящий драконий огонь. Жёлтый у основания, оранжевый в середине, белый на кончике. Он не похож на пламя зажигалки — он живой. Он пульсирует в такт моему сердцу.

Даркэн смотрит на огонь. Потом на меня.

В его глазах — не удивление. Что-то другое. Глубже.

Признание.

— Теперь я знаю, кто ты, — говорит он тихо. — И теперь я точно не могу тебя убить.

— Почему? — шепчу я.

— Потому что ты — единственная, кто может остановить войну. Или начать её. Выбор за тобой.

Огонь на моём пальце гаснет. Но тепло остаётся.

Внизу, в городе, взрывается сирена. Протяжный, леденящий душу звук. Его подхватывают другие башни. Город оживает — зажигаются тысячи окон, по улицам бегут люди, драконы в небе меняют направление.

— Нас нашли, — говорит Даркэн. Спокойно. Как о погоде. — Стражники уже на нижних этажах. Через минуту будут здесь.

Он смотрит на меня. Ждёт.

— Выбор за тобой, Лина. Летишь со мной — и ты под моей защитой. Остаёшься — тебя сожрут за час. Не фигурально. Я видел, что они делают с теми, на ком метка.

— Ты дракон? — спрашиваю я. — Настоящий? Не просто человек с огнём?

Вместо ответа он усмехается.

— Ты сомневаешься?

— Я хочу увидеть.

Он делает шаг назад. На край балкона. Ветер сильнее бьёт в его спину.

— Смотри, — говорит он. — И не бойся.

Сначала меняются глаза. Из лавовых становятся драконьими — вертикальный зрачок расширяется, заполняет всю радужку. Потом кожа — на скулах, на шее, на руках проступает чёрная чешуя с серебряным отливом. Тело вытягивается, перестраивается — я слышу хруст костей, треск ткани.

Но это не больно ему. Это — освобождение.

Через три удара сердца передо мной не мужчина.

Дракон.

Огромный, чёрный, с глазами расплавленной лавы. Он занимает полбалкона. Крылья расправлены — каждое размером с мою комнату в том мире. Чешуя переливается в свете трёх лун. Из пасти — струйка дыма.

Он наклоняет голову. Смотрит на меня одним глазом — жёлтым, с вертикальным зрачком.

И я слышу его голос — уже не в ушах, а прямо в голове:

— Ну что, маленькая самозванка, летим?

Я смотрю на дракона. На его лапу, протянутую ко мне — когтистую, тёплую.

На три луны.

На армию внизу.

И делаю шаг.

— Летим, — шепчу я. — Чёрт с тобой, летим.

Он смыкает когти вокруг меня — осторожно, почти нежно. Подбрасывает. Я лечу в воздухе — и приземляюсь ему на шею, прямо между двумя рядами шипов.

— Держись! — его голос в голове смеётся.

Крылья бьют. Раз. Два.

Мир падает вниз.

Город уходит из-под ног — сначала башня, потом крыши, потом улицы, потом весь Кар-Дракон становится игрушечным.

Я лечу на драконе.

На настоящем, живом, чёрном драконе.

Ветер сбивает дыхание. Слезы текут из глаз. Сердце колотится где-то в горле.

И я улыбаюсь.

Как безумная.

Потому что это — первый раз в моей жизни, когда я по-настоящему живу.

Глава 3. Чужое тело, чужая судьба

Ветер бьёт в лицо так, что невозможно дышать.

Я вцепилась в шипы на шее дракона обеими руками. Мои пальцы заledenели, но разжать их не могу — если отпущу, меня сдует с этой чёрной туши, и никто не найдёт даже костей.

Под нами — ночь. Империя распласталась внизу, как карта из огней. Города, деревни, реки, которые светятся синим — магия, Даркэн говорил. Я не успеваю разглядеть детали, потому что мы летим быстрее любой мысли.

Дракон не издаёт ни звука. Только ветер свистит в ушах, и где-то глубоко, в самой груди чудовища, я чувствую вибрацию — ровную, тёплую. Будто у него внутри горит огромный камин.

Я закрываю глаза.

Пытаюсь не думать о том, что ещё утром (или в моём прошлом мире — я уже путаюсь во времени) я пила растворимый кофе и спорила с начальником о квартальном отчёте.

Теперь я лечу на драконе. У меня на руке горит золотая метка. Внутри течёт чужая кровь. И мужчина, который нёс меня на себе, оказался настоящим ящером размером с автобус.

Жизнь — странная штука.

Мы снижаемся внезапно.

Дракон пикирует вниз, и мой желудок уходит в пятки. Лес — чёрный, густой, с деревьями выше любых небоскрёбов — бросается навстречу. Я успеваю подумать, что мы разобьёмся, но в последний момент Даркэн расправляет крылья, гасит скорость и мягко, почти нежно, опускается на поляну.

Я сползаю с его шеи и падаю на траву. Ноги не держат.

Дракон смотрит на меня сверху вниз жёлтым глазом с вертикальным зрачком. Из пасти вырывается струйка дыма — не угроза, скорее усталость.

Потом его тело начинает меняться.

Это не больно смотреть. Это завораживает.

Чешуя втягивается в кожу. Кости хрустят, перестраиваются, сокращаются. Крылья складываются и исчезают — будто их никогда не было. Громадная туша сжимается, плавится, перетекает в другую форму.

Через десять секунд на поляне стоит мужчина.

Я поднимаю голову и вижу его впервые — по-настоящему, не в полумраке камеры, не в бешеном бегстве, а здесь, под тремя лунами, в тишине леса.

И у меня перехватывает дыхание.

Не от страха.

Даркэн высок. Очень высок — под два метра, наверное. Плечи — шире любой дверной рамы. Руки — мощные, с выступающими венами, смуглые, покрытые сетью старых шрамов. Некоторые тонкие, как нити, другие — толстые, белые полосы, пересекающие мышцы. Он стоит прямо, даже после превращения, даже уставший — спина прямая, подбородок вздёрнут. В каждом его движении — сила, которую он сдерживает. Как зверь на цепи.

Волосы — чёрные, длинные, до плеч, мокрые от пота. Несколько прядей упали на лоб. Он отбрасывает их назад резким движением головы — машинально, не думая. И я замечаю, какие у него скулы — острые, как нож. Челюсть квадратная, волевая. Лёгкая щетина — темнее, чем волосы.

Нос с горбинкой — сломан когда-то и неправильно сросся. Губы — тонкие, сжатые в линию. Но когда он говорит, они двигаются медленно, лениво, будто каждое слово даётся ему с трудом.

Глаза — самое страшное и самое прекрасное. Сейчас, в человеческой форме, они не светятся лавой, но цвет остаётся — глубокий янтарь с красными прожилками. Вертикальный зрачок сузился — он рассматривает меня.

Он смотрит так, будто читает мою душу. И находит там что-то, что ему нравится.

— Ты в порядке? — его голос с хрипотцой. Низкий, грудной, с лёгкой вибрацией — рык, превращённый в речь. Каждое слово обволакивает, как горячий шоколад. Я чувствую его голос не ушами, а где-то внутри, в солнечном сплетении.

— Я только что летала на драконе, — выдыхаю я. — Нет. Я не в порядке.

— Привыкай.

Он усмехается. Усмешка кривая, только одной стороной рта. От этого его лицо становится ещё опаснее — и ещё привлекательнее.

Он подходит ко мне. Я чувствую его шаги — тяжёлые, уверенные. Каждый шаг — как удар. Он останавливается в двух шагах и протягивает руку.

Я смотрю на его ладонь — широкую, с длинными пальцами, с тёмными ногтями. На запястье — свежий ожог, от моего огня. Подушечки пальцев грубые, мозолистые — от меча, от поводьев, от боя.

Никакой чешуи. Просто мужчина.

Опасный. Властный. И такой сексуальный, что у меня немеют кончики пальцев.

Я беру его руку. Он дёргает меня вверх — слишком резко, я врезаюсь в его грудь. Твёрдую, как камень. И горячую — сквозь разорванную рубашку я чувствую жар его тела.

— Осторожнее, — говорю я, упираясь ладонями в его грудные мышцы.

— Некогда, — его голос звучит прямо у моего уха. Горячее дыхание обжигает шею. — Погоня будет через час.

Он не отодвигается. Секунду — две — держит меня так, будто проверяет, не отшатнусь ли я. Я не отшагиваю. Тогда он разжимает пальцы, берёт меня за запястье и тащит за собой.

Мы идём через лес. Он идёт быстро, широкими шагами. Я едва поспеваю. Ветки хлещут меня по лицу, но он как будто не замечает — или ему всё равно. Его рука — стальной капкан. Тёплый.

Я смотрю на его спину. Рубашка висит клочьями, открывая лопатки, позвоночник, поясницу. На коже — татуировка. Дракон, свернувшийся кольцом, чёрный на смуглой коже. Глаза дракона — рубины. Такие же, как на моём платье.

— Куда мы идём? — выдыхаю я на бегу.

— В безопасное место, — отвечает он, не оборачиваясь. Голос ровный, ни тени усталости.

— Оно существует в империи, где на меня охотятся?

Он не отвечает.

Лес расступается. Я вижу башню.

Старую, увитую плющом, без единого окна. Она сложена из чёрного камня — такого же, как в камере, где я очнулась. Но эта башня не пугает. Она молчит. Ждёт.

Даркэн подходит к стене, проводит рукой по камню. Я замечаю, как двигаются мышцы на его предплечье — плавно, мощно. Стена вздрагивает — и открывается проход.

— Внутри, — бросает он.

Я захожу.

Темнота. Запах сухих трав, старого дерева и чего-то металлического.

— Свет, — говорит Даркэн за моей спиной.

Факелы зажигаются сами — один за другим, вдоль стен. Я вижу комнату. Круглую, с низким потолком. Посередине — каменное кольцо с рунами. В углу — лежанка из меха. Стол с какими-то склянками.

И зеркало.

Огромное, в полный рост, в чёрной раме. Старое — серебряная амальгама пошла пятнами. Но оно ещё держится.

Я подхожу к зеркалу.

И замираю.

Потому что в отражении — не я.

Нет, не та Лина, которая каждое утро боролась с мешками под глазами и вечно спутанными русыми волосами. Не та, чьё тело раздавил красный «Форд» на пешеходном переходе.

Это тело — другая.

Она невероятная.

Волосы — длинные, ниже пояса, тёмные, почти чёрные, с синеватым отливом. Они падают на плечи тяжёлыми волнами, закрывая часть лица. Я провожу рукой по волосам — они мягкие, шелковистые, незнакомые.

Лицо — не моё. Тонкое, с высокими скулами, с чёткими бровями вразлёт. Губы полные, чувственные — такие, за которые убивают. Нос прямой, чуть вздёрнутый. Глаза — мои, зелёные, но форма другая — миндалевидная, с длинными, густыми ресницами.

Кожа — бледная, но не болезненно, а так, будто эта девушка никогда не видела солнца. Или видела слишком много — и это её особенность.

Я смотрю ниже.

Платье. Тёмно-бордовое, почти чёрное, из тяжёлой ткани. Оно облегает грудь, талию, бедра — и расходится книзу широкими складками. Длинные рукава, расшитые серебряной нитью. На груди — вышитый дракон. Не золотой, а серебряный, с красными глазами-рубинами.

На ногах — мягкие сапоги из чёрной кожи.

Я — красивая.

Нет, не так.

Я — опасная красота. Та, от которой мужчины теряют голову. Та, которую запоминают.

Я поднимаю руки. Пальцы — длинные, с идеальным маникюром (чужой, конечно). Ни одного заусенца. Ни одной мозоли от мышки и клавиатуры.

— Кто эта девушка? — мой голос срывается на шёпот. — Чьё это тело?

Даркэн стоит позади. Я вижу его отражение — за моим плечом. Он смотрит не на моё лицо, а на метку на запястье. И я замечаю, как он двигается — бесшумно, плавно, как хищник. Он не стоит на месте — он чуть покачивается, перенося вес с ноги на ногу. Готов к атаке в любую секунду.

— Её звали Алира, — говорит он. Голос низкий, чуть хриплый. Каждое слово он будто пробует на вкус, прежде чем выпустить. — И она была служанкой во дворце императора.

— Служанкой? — я смотрю на свои руки, на идеальные пальцы, на тонкое запястье. — У такой красавицы — работа служанкой?

— Красота в империи — не привилегия. Это опасность. Алира скрывала лицо под капюшоном. Иначе её бы давно... использовали.

Он делает паузу. Я слышу, как он облизывает губы — медленно, будто смакует слово.

Меня передёргивает от его тона.

— Что она сделала?

Даркэн молчит. Подходит ближе. Теперь его отражение — прямо за мной, большое, тёмное. Я чувствую его запах — дым, пот, кожа и что-то пряное, как гвоздика. Он не касается меня, но я ощущаю жар его тела на своей спине.

— Алира украла не артефакт. Она украла сущность.

— Сущность?

— Ребёнка. Нерождённого. Того, кто должен был появиться на свет в императорской семье.

Я медленно поворачиваюсь к нему. Отхожу от зеркала. Теперь между нами — два шага. Он смотрит на меня сверху вниз. В его глазах — лава, но сейчас она спокойная. Он не отводит взгляда — драконы не отводят взгляда. Это признак слабости.

— Ты говорил про ритуал. В камере.

— Да. Алира была бесплодна. Она хотела родить дитя с королевской кровью — чтобы получить власть, богатство, защиту. Она нашла тёмного мага. Тот совершил ритуал — вырезал будущую жизнь из чрева императрицы.

Меня тошнит.

Я чувствую, как подкатывает ком к горлу.

— Она убила нерождённого?

— Она попыталась присвоить его силу. Ритуал не удался. Ребёнок умер. Но метка — знак истинной наследницы — осталась на теле Алиры. Потому что кровь дитя уже была в ней. И кровь эта — в тебе.

Я смотрю на свои руки. На светящиеся вены.

— Во мне течёт кровь мёртвого ребёнка?

— Теперь ты — тот ребёнок, — тихо говорит он. — Душа умерла, но кровь жива. Она выбрала тебя. Когда ты пришла в этот мир, она приняла тебя как свою.

Я сажусь на пол. Прямо на холодный камень.

Это слишком.

Слишком много за один день.

Смерть в моём мире. Пробуждение в чужом теле. пытки. Драконья кровь. Метка. Погоня. Полёт. И теперь — это.

Я сжимаю голову руками. Длинные, чужие волосы падают на плечи, закрывают лицо как занавес.

— А ты? — я поднимаю глаза на Даркэна. — Кто ты во всей этой истории?

Он молчит.

Долго.

Потом садится напротив меня — на корточки. Его лицо на одном уровне с моим. Я вижу каждую морщинку вокруг глаз, каждый шрам на скулах. Он так близко, что я могу пересчитать его ресницы — чёрные, густые, нечеловечески длинные.

Он проводит рукой по своим волосам — отбрасывает их назад. Жест ленивый, почти надменный. Как у человека, который привык, чтобы ему подчинялись.

— Я был командиром стражи императрицы, — наконец говорит он. — В день ритуала я должен был охранять её покои. Но меня отозвали — ложный приказ. Алира проникла внутрь. Императрица потеряла ребёнка. Император сослал меня на границу. На десять лет.

— Ты винишь себя?

— Я виню Алиру. Но Алира мертва. Осталась ты.

Он смотрит в мои глаза. В эти чужие зелёные глаза, которые теперь мои. Его взгляд тяжёлый, как свинцовое одеяло. Но в нём нет жестокости. Есть усталость. И что-то ещё — что я не могу прочитать.

— Я должен был казнить её сегодня, — продолжает он. — По приказу императора. Но когда я вошёл в камеру... вместо трусливой воровки, которая умоляла бы о пощаде, я увидел тебя.

— Чем я отличаюсь?

— Ты не дрожишь. Ты смотришь в глаза. Ты споришь. Ты зажгла огонь с первой попытки — без обучения, без ритуалов.

Он протягивает руку и касается моего подбородка. Пальцы горячие, грубые. Он поворачивает моё лицо, рассматривает его под разными углами.

— У тебя её глаза, — говорит он задумчиво. — Но взгляд другой.

— Чей — её?

— Алиры. Я видел её дважды. В ней не было жизни. Только страх. А в тебе — огонь.

Он отпускает моё лицо. Но не отодвигается.

— И что это меняет?

— Всё, — его голос становится тише. Почти шёпотом. — Потому что если кровь истинной наследницы приняла тебя — значит, мир выбрал тебя. А мир не ошибается.

Я смотрю на него.

На его шрамы. На глаза цвета лавы. На руки, которые могут сжигать и убивать — но сейчас просто лежат на коленях. На его губы — тонкие, сжатые, но когда он говорит, они двигаются медленно, почти лениво, и от этого хочется слушать его вечно.

— Чего ты хочешь от меня, Даркэн?

Он усмехается. Горько. Эта усмешка — только одной стороной рта — превращает его лицо в маску опасного обаяния.

— Хороший вопрос. Я сам не знаю. Часть меня хочет прикончить тебя и забыть, как страшный сон. Часть — спрятать так далеко, чтобы никто не нашёл. А часть...

Он замолкает. Проводит языком по губам — медленно, будто собирается с мыслями.

— А часть? — переспрашиваю я.

— А часть хочет посмотреть, что из тебя выйдет.

Он встаёт. Резко, одним движением — без рук, без опоры. Я замечаю, как напрягаются мышцы его ног, пресса — он пружинистый, как зверь перед прыжком.

Протягивает мне руку.

— Вставай. У нас мало времени. Империя уже знает, что метка проявилась. Теперь на тебя будут охотиться не за то, что сделала Алира. А за то, кем ты стала.

Я смотрю на его ладонь. Снова.

И снова беру.

Его пальцы смыкаются — горячие, жёсткие. Он тянет меня вверх, и на этот раз я готова — не врезаюсь в него, удерживаю равновесие. Но он всё равно задерживает мою руку на секунду дольше, чем нужно. Проводит большим пальцем по моей ладони — там, где узелки судьбы. Как будто читает.

— Чему ты хочешь меня научить? — спрашиваю я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Всему, — отвечает он. — Магии. Бою. Выживанию. И одному правилу.

— Какому?

Он наклоняется так близко, что я чувствую его дыхание на своей щеке. Пахнет дымом, грозой и чем-то горьковатым — как полынь. Его губы почти касаются моего уха. Я слышу, как он дышит — ровно, глубоко, ни тени волнения.

— Никогда не доверять дракону. Даже если он тебя спас.

Я смотрю в его глаза. Лава внутри них пульсирует — то ярче, то темнее. В его зрачках я вижу своё отражение — чужое лицо, бледную кожу, распахнутые глаза.

— А если он меня поцелует? — спрашиваю я. Не знаю, зачем. Словно не я это сказала.

Он замирает.

На секунду в его взгляде мелькает что-то живое — не холод, не расчёт. Желание? Гнев? Боль? Его зрачки расширяются. Мышцы челюсти напрягаются.

— Тогда тебе придётся решать, — говорит он очень тихо. — Живёшь ты с этим или сгораешь.

Он отпускает мою руку.

Отходит к стене.

Я смотрю на него — на его широкую спину, на татуировку дракона между лопатками, на то, как двигаются мышцы под кожей, когда он достаёт из тайника меч — огромный, чёрный, с рубином в рукояти.

Он садится у входа, прислонившись спиной к камню. Кладёт меч на колени. Закрывает глаза — но я знаю, что он не спит. Он слушает. Лес. Ночь. Моё дыхание.

— Завтра на рассвете начнём, — бросает он. — Спи. Тебе понадобятся силы.

— А ты?

Он открывает один глаз. Янтарный, с вертикальным зрачком.

— Я буду сторожить, — его голос снова становится низким, грудным. — И думать о том, правильно ли я поступил, не убив тебя.

— И как, правильно?

Он усмехается — той самой кривой усмешкой, от которой у меня внутри всё переворачивается.

— Утром скажу.

Я ложусь на шкуры. Они пахнут дымом и им. Тепло. Я сворачиваюсь клубком, подтягиваю колени к груди.

Закрываю глаза.

Но не сплю.

Я чувствую своё новое тело — длинные волосы рассыпались по плечам, тяжёлое платье давит на грудь, сапоги жмут в щиколотках. Чужие пальцы, чужие губы, чужая кожа — но моя душа.

Я думаю о ребёнке, чья кровь течёт во мне. Об Алире, чьё тело я ношу. О мужчине у входа, который спас меня, но не доверяет ни слова.

О его голосе — низким, хриплом, от которого внутри разгорается странный, незнакомый жар.

О его руках — грубых, горячих, которые держали меня так, будто я — единственное, что у него осталось.

И о том, что завтра — первый день моей новой жизни.

Или последний.

Глава 4. Метка драконьей крови

Я просыпаюсь от того, что кто-то смотрит на меня.

Взгляд тяжёлый, как одеяло. Пробивает сквозь сон, сквозь веки, сквозь меха, на которых я лежу.

Открываю глаза.

Даркэн сидит в дверном проёме. Меч на коленях. Глаза открыты — и они смотрят на меня. Не моргая. Не отводя взгляда.

Сколько он так сидел? Час? Два? Всю ночь?

— Ты спишь с открытыми глазами? — мой голос хриплый после сна.

— Драконы не спят, — отвечает он. — Мы дремлем. И слышим всё.

Я сажусь. Меха сползают с плеч. Платье за ночь измялось, но на мне оно всё равно сидит как влитое — бархат не мнётся, только блестит в свете факелов.

В башне тихо. Только потрескивают факелы да где-то за стенами шуршит ночная живность.

— Сколько времени?

— Почти рассвело, — Даркэн встаёт одним плавным движением. Меч оказывается у него за спиной — я не замечаю, как он его закрепил. — Через час начнём.

— Что начнём?

Он смотрит на меня сверху вниз. В полумраке его глаза горят тусклым янтарём.

— Учить тебя не умирать.

Он выводит меня из башни.

Лес встречает влажным холодом. Трава по колено, мокрая от росы. Небо на востоке светлеет — из чёрного становится фиолетовым, потом синим, потом розовым.

Три луны уже сели. Осталась только одна — бледно-голубая, почти прозрачная.

Поляна перед башней круглая, как арена. По краям — огромные валуны, поросшие мхом. Даркэн останавливается в центре, поворачивается ко мне.

— Стань напротив, — командует он.

Я становлюсь.

— Метка на твоей руке — не просто рисунок, — начинает он. — Это ключ. К твоей силе. К крови, которая течёт в тебе. Имперская кровь — самая древняя. Она помнит то, что забыли драконы.

— Что именно?

— Огонь, который не жжёт своего хозяина. Пламя, которое подчиняется воле. И кое-что ещё.

— Что?

Он не отвечает. Вместо этого подходит ближе и берёт меня за запястье — то самое, где метка. Пальцы горячие, как всегда.

— Закрой глаза, — говорит он.

Я закрываю.

— Чувствуешь жар?

— Да, — шепчу я. Его пальцы жгут — не больно, но ощутимо.

— Не мой жар, — поправляет он. — Свой. Тот, который внутри. Который проснулся, когда тебе влили кровь.

Я пытаюсь отключиться от его тепла. Сосредоточиться на себе.

Сначала ничего.

Потом — там, глубоко, внизу живота — тлеет уголёк. Маленький. Терпеливый.

— Чувствую, — говорю я.

— Вытащи его.

— Как?

— Как ты зажгла огонь на башне. Представь, что уголёк становится больше. Дыши на него.

Я делаю вдох. Медленный. Глубокий.

Уголёк теплеет. Но не растёт.

— Не получается, — шепчу я.

— Получается, — голос Даркэна звучит прямо над ухом. — Ты боишься. Боишься, что огонь вырвется и сожжёт тебя. Но он не сожжёт. Это твой огонь.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что ты до сих пор жива, — он почти рычит. — Никто не выживает после переживания чужой крови. Никто. А ты жива. Значит, кровь приняла тебя. Значит, ты её хозяйка. Не бойся. Командуй.

Я сжимаю кулаки.

Представляю, как уголёк разгорается. Как от него тянутся золотые нити — к пальцам, к ладоням, к запястью.

Открываю глаза.

Мои руки светятся. Бледно-золотым. Слабо, но заметно.

— Смотри, — говорю я.

Даркэн смотрит. И я вижу в его глазах — впервые — не холод. Не усталость. Удивление.

— Ещё, — командует он. — Больше.

Я сжимаю кулак. Свет становится ярче. Теперь он не только на руках — он поднимается выше, к локтям. Кожа под платьем светится, просвечивает сквозь ткань.

— Хорошо, — голос Даркэна становится ниже. — А теперь — огонь. Настоящий.

Я разжимаю кулак. Пальцы растопырены.

Из центра ладони вырывается струйка пламени.

Маленькая. Тонкая, как нить. Но настоящая — жёлтая у основания, оранжевая в середине, белая на кончике.

— Держи, — говорит он. — Не дай погаснуть.

Я смотрю на огонь. Он пульсирует в такт моему сердцу. Трепещет, когда я выдыхаю.

— А теперь ударь, — говорит Даркэн.

— Куда?

— В меня.

Я поднимаю на него глаза.

— Ты с ума сошёл?

— Не трись. Твой огонь не причинит мне вреда. Я — дракон.

— А если причинит?

— Тогда ты сильнее, чем я думал.

Он отступает на три шага. Встаёт в стойку — ноги на ширине плеч, руки опущены. Меч остался в башне.

— Давай, Лина. Ударь.

Я колеблюсь.

Огонь на моей ладони мерцает — то ярче, то тусклее.

— Если не сделаешь это сейчас, — его голос становится жёстче, — ты никогда не научишься. И тебя убьют. Не я. Другие.

Я вспоминаю камеру. Цепи. Женщину с жёлтыми глазами. Её холодные пальцы на моём запястье.

Злость приходит внезапно — горячая, как уголёк внутри.

Я выкидываю руку вперёд.

Огонь срывается с ладони — не струйкой, а сгустком. Он летит в Даркэна, и я успеваю испугаться.

Но он не уворачивается.

Сгусток ударяет ему в грудь. Вспышка. Искры. Даркэн даже не вздрагивает.

Когда дым рассеивается, я вижу — на его рубашке чёрное пятно. Но кожа под ним цела. Только красноватый след.

— Неплохо, — говорит он. — Для первого раза.

— Я не хотела в тебя попадать.

— А надо было, — он подходит ближе. — В бою не будет времени жалеть. Ты должна уметь бить на опережение.

Он останавливается передо мной. Берёт мою руку, подносит к своим глазам. Рассматривает ладонь.

— Метка светится ярче, — замечает он.

Я смотрю на запястье. Золотой дракон на коже пульсирует — в такт моему дыханию. Его глаза-рубины горят.

— Она всегда так?

— Нет, — Даркэн проводит пальцем по метке. Я чувствую — касание горячее, но не обжигает. — Она реагирует на твои эмоции. На страх. На гнев. На...

Он замолкает.

— На что? — спрашиваю я.

Он поднимает на меня глаза. В его взгляде — что-то новое. Не опасность. Не учёба.

Жар.

— На желание, — говорит он тихо. — Метка вспыхивает, когда рядом тот, кто тебе небезразличен.

Я отдергиваю руку.

— Ты это специально придумал?

— Драконы не придумывают, — его губы кривятся в усмешке. — Мы чувствуем.

Он отходит. Подбирает с земли палку — длинную, толстую.

— Теперь будем учиться защищаться, — бросает он. — Ты будешь ставить блок.

— Как?

— Представь, что перед тобой стена. Из огня. Или из твоей воли.

Он замахивается палкой. Я не успеваю среагировать — удар приходится по плечу. Больно.

— Ой!

— Не ой, — он замахивается снова. — Блок!

Я выставляю руку. Палка останавливается в сантиметре от моей ладони — не потому, что Даркэн замер. Потому что ударились о невидимую преграду.

Я чувствую её — тонкую, вибрирующую. Будто между мной и палкой встала стена из горячего воздуха.

— Вот, — Даркэн опускает палку. — Ты сделала это.

— Я не понимаю как.

— Не надо понимать. Надо чувствовать.

Он бросает палку в сторону.

— Отдохни пять минут. Потом продолжим.

Я сажусь прямо на траву. Платье расстилается вокруг тёмной лужи. Даркэн стоит в двух шагах, смотрит на небо — восток уже розовый, скоро взойдёт солнце.

— Даркэн, — зову я.

Он не поворачивается.

— Почему ты помогаешь мне? Ты говорил, я — проблема. Что изменилось?

Он молчит долго. Так долго, что я думаю — не ответит.

— Я был сослан на границу десять лет назад, — наконец говорит он. — За то, что не уберёг императрицу. Десять лет я убивал тварей, которые лезут из Разлома. Каждый день. Каждую ночь. Без отдыха. Без благодарности.

— И?

— И я устал, — его голос становится тише. — Не телом. Душой. Десять лет я ждал возможности вернуться и доказать, что я не предатель. А потом появилась ты.

Он поворачивается ко мне. В его глазах — не лава. Усталость.

— Ты — не Алира. Ты — шанс.

— Какой?

— Вернуться во дворец не как изгой. Как тот, кто привёл истинную наследницу.

Я смотрю на него снизу вверх.

— Ты используешь меня.

— Да, — он не отводит взгляд. — А ты используешь меня. Я учу тебя выживать. Ты даёшь мне шанс на искупление. Это сделка.

— А если я не хочу идти во дворец?

— Тогда мы скроемся. Я знаю места, где империя не властна. Но ты должна быть сильной. Иначе не выживешь даже там.

Он подходит. Протягивает руку.

— Вставай. Продолжим.

Я смотрю на его ладонь — широкую, с длинными пальцами, с тёмными ногтями. Свежий ожог от моего огня.

И беру.

Следующие часы — ад.

Даркэн не щадит меня. Я учусь бить огнём — не сгустками, а струёй. Учусь ставить блок — от палок, от камней, которые он швыряет в меня. Учусь двигаться — в этом тяжёлом платье, в этих сапогах.

Я падаю раз десять. Он поднимает меня, не спрашивая, не жалея.

— Ещё.

— Не могу.

— Можешь.

К полудню я валюсь с ног. Он позволяет мне сесть, даёт флягу с водой — холодной, с металлическим привкусом.

— Кто ты была в своём мире? — спрашивает он внезапно.

Я пью, вытираю рот рукавом.

— Никто. Обычный человек. Работа в офисе. Ипотека. Ничего интересного.

— Почему ты умерла?

— Машина сбила. На пешеходном переходе.

Он усмехается.

— Смешная смерть.

— Не смешнее, чем быть казнённой за чужое преступление.

Он смотрит на меня. В его взгляде — что-то новое. Уважение? Нет. Скорее любопытство.

— В тебе есть стержень, — говорит он. — Я не ожидал.

— Я тоже.

Мы сидим на траве. Солнце уже высоко, но сквозь деревья пробивается только полосатый свет.

— Даркэн, — говорю я. — Тот ребёнок. Нерождённый. Если бы она выжила... какой она была бы?

Он молчит. Долго.

— Императрица была красива, — наконец говорит он. — Император — силен. Ребёнок мог бы стать самым могущественным драконом за столетие. Или самым опасным.

— А теперь эта кровь во мне.

— Да. И ты должна научиться с ней жить.

Я смотрю на свою руку. На золотого дракона, который спит на запястье.

— Ты боишься меня? — спрашиваю я.

— Драконы не боятся, — он усмехается. — Но я уважаю силу, которую не понимаю.

Он встаёт.

— Отдых окончен. Теперь будем учиться принимать свою истинную форму.

— Какую форму?

Он смотрит на меня сверху вниз. В его глазах — лава.

— Ты думаешь, метка даётся просто так? Ты не просто человек с драконьей кровью. Ты — наследница. А это значит...

Он замолкает.

— Что значит? — переспрашиваю я.

— Это значит, что в тебе тоже живёт дракон, — тихо говорит он. — И рано или поздно он проснётся.

Глава 5. Императорские ищейки

Три дня. Семьдесят два часа ада. Бесконечная череда падений, ожогов, синяков и сбитых костяшек.

Даркэн не знает жалости.

Каждое утро, ещё до рассвета, он будит меня — толчком в плечо или просто взглядом. Я научилась чувствовать его присутствие даже во сне. Тяжёлое, горячее, как дыхание печи.

— Вставай, — его голос низкий, хриплый со сна. — Сегодня будем учиться не поджаривать себя.

Я сажусь на меха. Всё тело болит. Даже мышцы, о существовании которых я не подозревала, горят огнём. Но я уже не жалуясь. Бесполезно.

— А можно сегодня просто поспать? — всё равно спрашиваю. По привычке.

— Нет, — он уже у двери. Меч за спиной, волосы собраны в низкий хвост. Сегодня он в новой рубашке — чёрной, с длинными рукавами. Под ней угадываются мышцы. — Через час здесь будет отряд ищейек.

Я замираю.

— Откуда ты знаешь?

— Чувствую, — он принимает, как зверь. — Ветер приносит запах металла и чужих магических следов. Они идут по твоей метке. Она светится слишком ярко — они видят её за много миль.

Я смотрю на запястье. Золотой дракон пульсирует — ровно, спокойно. За три дня я привыкла к его свечению. Как к тиканью второго сердца.

— Что мне делать?

— То, чему я учил тебя, — он открывает дверь. Холодный утренний воздух врывается в башню. — Защищаться. И не умирать.

Мы выходим на поляну.

Лес встретил нас туманом — густым, молочным, он стелется по земле, скрывая траву. Деревья стоят, как стражи, их ветви сплетаются в высокую арку.

Даркэн останавливается в центре. Поворачивается ко мне.

— Сегодня никаких тренировок, — говорит он.

Я удивлённо моргаю.

— То есть?

— Сегодня ты должна будешь применить всё, чему научилась. Не на мне. На них.

Он кивает в сторону леса.

Я ничего не вижу. Только туман и деревья.

— Там никого нет, — говорю я.

— Есть, — его голос становится тише. — Слушай.

Я замираю.

Сначала ничего. Потом — хруст ветки. Шорох листьев. И запах. Чужой, острый, металлический.

— Пять человек, — шепчет Даркэн. — Трое с мечами, двое — маги. Ищейки императора.

— Почему они здесь? — шепчу я в ответ.

— Твоя метка. Я говорил. Она как маяк.

Он делает шаг назад. Встаёт за моей спиной.

— Я не буду вмешиваться, — говорит он. — Только если ты умрёшь.

— А если я не умру, но буду кричать?

— Тогда погляжу.

Я хочу ответить что-то едкое, но в этот момент из тумана выходят они.

Первый — высокий, лысый, в чёрной кожаной броне. В руке — меч, широкий, с зазубринами на лезвии. За ним — ещё двое с мечами. А позади — две фигуры в серых балахонах. Маги. Их лица скрыты капюшонами, но руки светятся — синим, холодным.

Лысый останавливается в десяти шагах. Смотрит на меня. Потом на Даркэна.

— Даркэн из рода Пепельных, — говорит он. Голос скрипучий, как несмазанная петля.
— Предательство императора. Приказ — взять тебя живым или мёртвым.

— А девку? — спрашивает один из мечников.

— Девку — живую. Метка нужна императору.

Лысый переводит взгляд на меня. У него глаза — белые, без зрачков. Страшные.

— Ты пойдёшь с нами мирно, или будет больно?

Я чувствую, как внутри разгорается уголёк. Не от страха. От злости.

— Мирно не получится, — говорю я.

Лысый усмехается.

— Жаль.

Он взмахивает рукой. Мечники бросаются вперёд.

Всё происходит слишком быстро.

Первый мечник — тот, что слева — бежит быстрее остальных. Его меч поднят для удара. Я вижу, как блестит лезвие в утреннем свете.

— Блок! — кричит Даркэн.

Я выставляю руку.

Стена встаёт между мной и мечником — невидимая, горячая. Меч ударяется о неё, и парень отлетает назад, как от удара тараном. Он падает на спину, хрипит.

Но второй уже заходит справа.

Я не успеваю повернуться.

Его меч опускается на моё плечо — но в последний момент я ставлю второй блок, уже не думая, просто чувствуя. Лезвие останавливается в сантиметре от кожи. Я чувствую давление, но не боль.

— Огонь! — командует Даркэн.

Я выкидываю руку в сторону мечника. Струя пламени срывается с ладони — толстая, жёлтая, с оранжевыми языками. Она ударяет ему в грудь. Броня вспыхивает. Парень кричит, падает, катается по земле, пытаясь сбить огонь.

— Хорошо, — слышу я голос Даркэна. Спокойный, даже скучающий.

Третий мечник замирает. Смотрит на своих товарищей — один лежит без сознания, второй горит. И делает шаг назад.

— Маги! — кричит лысый.

Две фигуры в сером поднимают руки. Синий свет становится ярче — невыносимо ярким. Я чувствую холод — такой, что зубы начинают стучать. Холод идёт от их рук, от их магии, от их воли.

— Ледяная смерть, — говорит Даркэн за моей спиной. — Не дай им коснуться тебя.

Один из магов выстреливает. Синяя молния летит в меня.

Я ставлю блок — но блок держит только огонь. Холод просачивается сквозь него, как вода сквозь решето. Мои пальцы немеют. Дыхание перехватывает.

— Не так! — кричит Даркэн. — Огонь против холода! Сожги их!

Я сжимаю кулак. Собираю всё тепло, которое есть внутри. Уголёк в животе разгорается — быстро, жадно. Он поднимается к груди, к горлу, к рукам.

Я распахиваю ладони.

Огонь вырывается из обеих рук — не струёй, а стеной. Яркой, белой, обжигающей даже меня. Он летит в магов, покрывает их, поглощает синий свет.

Я слышу крики. Потом тишину.

Когда огонь гаснет, на поляне дымятся две серые кучи. Люди? Я не знаю.

Мои руки дрожат. В ушах звенит.

Лысый смотрит на меня. В его белых глазах — ужас.

— Ты... — шепчет он. — Ты не человек.

— А ты не очень наблюдательный, — говорю я. Голос ровный. Не знаю, откуда берётся эта ровность.

Лысый бросает меч. Поворачивается и бежит в лес.

— Пусть бежит, — говорит Даркэн. — Пусть расскажет императору, что видел.

Я поворачиваюсь к нему. Ноги подкашиваются — я падаю на траву. Платье намокло от росы.

— Я их... убила? — мой голос срывается.

— Двоих магов — да, — Даркэн подходит, садится на корточки передо мной. — Мечник, который горел, — жив. Его потушат. Он не пришёл в себя — это не смертельно.

— А тот, который в блок врезался?

— Оглушён. Очнётся через час.

Я смотрю на свои руки. Они всё ещё дымятся. Пальцы красные, но не обожжённые.

— Я убила людей, — шепчу я.

— Ты защищала свою жизнь, — жёстко говорит Даркэн. — Не смей жалеть тех, кто хотел отдать тебя императору на пытки.

Я поднимаю на него глаза. В его взгляде — не жалость. Одобрение.

— Ты справилась, — говорит он. — Для первого боя — неплохо.

— Неплохо? — я смеюсь. Горько. Истерично. — Я только что двух человек сожгла!

— А могла бы сжечь пятерых, — он пожимает плечами. — Будешь тренироваться дальше — научишься контролировать силу.

Он протягивает руку.

— Вставай. Мы уходим. Через час здесь будет армия.

Я беру его руку. Он поднимает меня — легко, как котёнка.

— Куда мы идём?

— Дальше в лес. В другое убежище. Это место засвечено.

— Но ты говорил, башня защищена магией!

— От случайных путников — да. От ищеек императора — нет. Они нашли нас. Значит, кто-то предал.

— Кто?

Даркэн смотрит на дымящиеся останки магов.

— Кто-то во дворце. Кто знал, где я прячусь. Кто знал про тебя.

— У тебя есть враги?

— У всех есть враги, Лина. У драконов — особенно.

Мы уходим в лес.

Даркэн ведёт меня по тропе, которую не видит никто, кроме него. Мы идём быстро, почти бежим. Я спотыкаюсь о корни, но он держит меня за руку — не отпускает.

— Даркэн, — выдыхаю я на ходу. — Ты говорил, что хочешь вернуться во дворец с истинной наследницей. Но если они охотятся на меня, как мы туда попадём?

— Не сейчас, — отвечает он. — Сначала ты должна стать сильной. Достаточно сильной, чтобы никто не посмел тронуть тебя.

— А ты? Ты и так сильный. Почему ты не можешь просто взять и привести меня?

Он останавливается. Поворачивается ко мне. В его глазах — лава, но сейчас она спокойная.

— Потому что во дворце есть те, кто сильнее меня, — говорит он тихо. — Император. Его личная стража. И кое-кто ещё.

— Кто?

Он молчит. Потом отпускает мою руку и идёт дальше.

— Ты узнаешь, когда придёт время.

Мы идём до вечера.

Лес меняется — деревья становятся выше, темнее. Между стволами стелется синий туман — не такой, как утром. Этот туман пахнет гнилью и чем-то сладким.

— Мы приближаемся к границе, — говорит Даркэн.

— К какой границе?

— Между империей и Ничьими землями. Там не действуют законы. Там правят те, у кого больше силы.

— Это опасно?

— Опасно везде, — он оборачивается. — Но там нас не найдут. По крайней мере, первое время.

Мы выходим на поляну. В центре — ещё одна башня. Но эта не похожа на предыдущую. Она сложена из белого камня, с высокими окнами-бойницами. Вокруг неё — ров с водой. Тёмной, неподвижной.

— Это твоё? — спрашиваю я.

— Моё, — кивает Даркэн. — Место, где я родился.

— Ты родился здесь? В башне?

— Драконы-перевёртыши рождаются в человеческом теле. Но первое превращение происходит на двадцатый год. Многие не выживают. Я выжил. Здесь.

Он подходит к рву. Поднимает руку. Вода расступается — открывается каменный мост, которого секунду назад не было.

— Проходи, — говорит он.

Я ступаю на мост. Камень холодный, скользкий.

— Даркэн, — зову я, не оборачиваясь. — Ты сказал, что в тебе тоже живёт дракон. А во мне?

Он не отвечает. Я слышу только его шаги за спиной.

— Лина, — его голос становится тише. — В тебе живёт не просто дракон. В тебе живёт императорская кровь. А это — древнее, чем любой из нас. Будь готова к тому, что когда она проснётся полностью... ты изменишься.

— В каком смысле?

Он подходит ближе. Его дыхание обжигает затылок.

— Ты перестанешь быть человеком, — шепчет он. — Навсегда.

Глава 6. Спасение

Белая башня оказалась не убежищем — домом.

Я ожидала холода, сырости, запаха вековой пыли. Но внутри горели факелы, пахло сушёными травами и нагретым деревом. Пол устлали мягкие половики с вышитыми драконами. На стенах висели гобелены — битвы, полёты, древние ритуалы.

— Ты здесь жил? — спросила я, оглядываясь. Голос отдавался эхом от каменных сводов.

— До ссылки, — Даркэн прошёл мимо, зажигая камин одним щелчком пальцев. Огонь лизнул поленья, и комнату наполнило тепло. — Здесь я родился. Здесь научился превращаться.

Я подошла к камину. Протянула руки к пламени. Оно не обжигало — будто узнавало во мне родную кровь. За три дня я привыкла к этому странному родству с огнём.

— Ты сказал, что я перестану быть человеком, — тихо произнесла я, глядя на пляшущие языки. — Когда это случится?

— Не знаю, — его голос звучал слева. Я слышала, как он снимает меч, вешает на крюк у двери. — Может, завтра. Может, через год. Может, никогда.

— У меня есть выбор?

Он подошёл ближе. Встал рядом, тоже глядя на огонь. В ответах пламени его профиль казался вырезанным из тёмного янтаря — острые скулы, шрам на скуле, глаза, отражающие пожар.

— Всегда есть выбор, — сказал он. — Даже когда кажется, что его нет.

Я повернулась к нему. В свете камина его лицо выглядело почти мягким — опасная иллюзия.

— А ты выбирал? Быть драконом?

— Драконом рождаются, — ответил он. — Но каждый день я выбираю, какую часть себя кормить. Зверя или человека.

— И кого ты кормишь сегодня?

Он усмехнулся — той самой кривой усмешкой, от которой у меня внутри всё переворачивалось.

— Ещё не решил.

Он отодвинулся от камина и направился к лестнице.

— Тебе нужно отдохнуть, — бросил через плечо. — Завтра рано вставать. Спальня наверху.

— А ты?

— Посижу здесь. Не доверяю тишине после того, что было.

Я хотела возразить, но тело гудело от усталости. Драконья кровь бурлила в венах, залечивая синяки, но мышцы ныли после тренировок и боя.

Я поплелась наверх, держась за каменные перила.

Спальня оказалась маленькой круглой комнатой под самой крышей. В центре — кровать с балдахином из тёмного бархата. На стенах — гобелены, изображающие драконов, парящих над горами. У окна — столик с кувшином воды и тазом для умывания.

Я скинула сапоги — ноги гудели. Стянула платье — оно тяжело упало на пол. Осталась в тонкой нижней рубашке, которая едва доходила до колен. Забралась под одеяло.

Простыни были холодными, но моё тело нагрело их за минуту — ещё один подарок драконьей крови.

Я закрыла глаза.

И сразу увидела их.

Серые балахоны магов. Их крики. Запах горелой плоти. Я убила их. Да, они хотели убить меня. Да, они служили императору, который охотится на меня. Но они были живыми. Дышали. Думали. А теперь...

Я перевернулась на другой бок. Сжалась в комок. Одеяло натянула до подбородка.

— Не спится? — голос Даркэна раздался от двери.

Я села. Он стоял на пороге, прислонившись плечом к косяку. В руке — кружка, от которой шёл пар.

— Отвар, — пояснил он, входя. — Успокаивает нервы. И заживляет.

— Откуда ты знаешь, что мне нужно успокоиться?

— Ты ворочаешься. И стонешь во сне.

Он сел на край кровати. Кровать прогнулась под его весом. Протянул кружку. Я взяла. Горячий, горьковатый вкус трав — мяты, ромашки и чего-то незнакомого, пряного, с металлическим оттенком.

— Даркэн, — позвала я, отпив глоток. — Твоё первое убийство. Ты помнишь его?

Он помолчал. В полумраке спальни его глаза горели тусклым янтарём.

— Не забывают такого, — ответил он наконец. — Мне было пятнадцать. Граница. На нас напали твари из Разлома. Я убил троих. Голыми руками. Без магии — она ещё не проснулась.

— Ты плакал?

Он посмотрел на меня. В его взгляде — не боль. Скорее удивление от самого вопроса.

— У драконов нет слёз, — сказал он.

— А у человека, который живёт внутри дракона?

Он молчал долго. Так долго, что я успела сделать ещё три глотка отвара. Потом протянул руку и убрал прядь волос с моего лица. Пальцы задержались на щеке — горячие, шершавые.

— Ты задаёшь слишком много вопросов, Лина.

— А ты не любишь отвечать.

— Я не люблю вспоминать, — поправил он.

Его рука скользнула ниже, коснулась моей шеи. Я замерла. Сердце пропустило удар. Потом забилося быстрее, как загнанная птица.

— Даркэн...

— Не надо, — перебил он. — Не надо благодарить. Не надо спрашивать. Просто пей и ложись.

Он убрал руку и встал. Я почувствовала, как холодно стало без его тепла.

— Подожди, — сказала я. — Останься. Пожалуйста.

Он обернулся. В его глазах мелькнуло удивление — и что-то ещё, более тёмное. Желание? Гнев? Боль?

— Ты знаешь, кто я, — сказал он. — Я могу причинить тебе боль. Даже не желая.

— Не причинишь.

— Уверена?

— Ты спас меня. Ты лечил меня. Ты учил меня. Ты не сделаешь мне больно.

Он смотрел на меня долго. Потом кивнул и вернулся. Сел на кровать, прислонившись спиной к резной спинке. Меч положил рядом — на расстоянии вытянутой руки.

— Ложись, — сказал он. — Я посижу здесь.

Я легла. Повернулась к нему лицом. В темноте спальни он казался частью ночи — чёрные волосы, тёмная рубашка, смуглая кожа. Только глаза горели — два янтарных угля.

— Расскажи что-нибудь, — попросила я. — О чём угодно. Чтобы я не думала о них.

Он помолчал, собираясь с мыслями. Я слышала его дыхание — ровное, глубокое.

— В старые времена драконы не прятались, — начал он негромко. — Они летали над городами, и люди строили им храмы. Приносили дары. Просили защиты от врагов.

— А теперь?

— Теперь император запретил полёты. Боится, что кто-то окажется сильнее его. Заставляет драконов носить человеческий облик.

— А ты сильнее императора?

— Не знаю, — усмехнулся он. — Не проверял.

— Почему?

— Потому что тот, кто проверяет, обычно умирает.

Я смотрела на его профиль. Острый, хищный. И всё же в нём было что-то, от чего не хотелось отводить взгляд. Что-то притягательное и опасное одновременно.

— Даркэн, — позвала я.

— Мм?

— Ты боишься, что я стану драконом и забуду, кто я?

Он повернул голову. Посмотрел мне прямо в глаза. В полумраке его взгляд был тяжёлым, как свинцовое одеяло.

— Не забудешь, — сказал он. — Такие, как ты, не забывают.

— Какие?

— Упрямые. Живучие. Те, кто смотрит в глаза дракону и не моргает.

Он замолчал. Я закрыла глаза. И почувствовала, как его пальцы коснулись моих волос — осторожно, почти невесомо. Он гладил меня, как успокаивают испуганного зверька. Медленно. Терпеливо.

— Спи, — прошептал он.

Я уснула под мерный ритм его дыхания.

Проснулась от запаха гари.

Не той, к которой привыкла — от камина, от факелов. Этот дым пах серой и горелым мясом. Чужой. Враждебный.

Я села. Даркэна рядом не было. Кровать пуста. На простыне осталась вмятина от его тела.

— Даркэн? — позвала я. Голос прозвучал глухо.

Тишина. Только потрескивание огня где-то далеко — или это кровь шумит в ушах?

Я натянула платье — оно было измятым, но чистым. Сунула ноги в сапоги. Спустилась вниз.

В большой комнате никого. Камин погас. Факелы на стенах потухли. Только луна светила в бойницы — холодная, голубая, равнодушная.

Дверь в башню была открыта настежь. Внутри тянуло холодом и дымом.

Я выбежала наружу.

Ночь. Холод. Поляна перед башней курилась дымом — трава выжжена, земля почернела, на камнях блестела чья-то кровь. И посреди этого пепелища — фигуры.

Четыре. В чёрных доспехах, с мечами наголо. Между ними — Даркэн.

Он стоял на коленях. Руки за спиной — связаны светящейся верёвкой. Магические путы. Из уголка рта текла тонкая струйка крови. На лице — свежий синяк.

— Даркэн! — я бросилась к нему.

Один из воинов шагнул вперёд. Лезвие меча упёрлось мне в грудь. Металл холодный, даже сквозь платье.

— Стоять, — рявкнул он. Голос металлический, безжизненный. Под шлемом не видно лица — только прорези для глаз, в которых мерцает красное.

— Отпустите его!

— Предатель приговорён к смерти императором, — ответил воин. — А ты — его сообщница.

— Я не сообщница! Он спас меня!

— Он нарушил приказ. Не убил тебя в камере. Измена. Смерть.

Я посмотрела на Даркэна. Он поднял голову. В его глазах — лава, но сейчас она была тёмной, почти чёрной. Усталой.

— Беги, Лина, — сказал он тихо. Губы в крови.

— Нет.

— Беги, или они убьют тебя.

— Я не брошу тебя.

Я повернулась к воину. Встала прямо, расправив плечи. Метка на запястье горела — я чувствовала её жар сквозь рукав.

— Отпустите его. Я пойду с вами вместо него.

— Ты и так пойдёшь, — усмехнулся воин. — Мёртвая или живая — решать императору.

Он махнул рукой. Двое других двинулись ко мне. Их мечи блестели в лунном свете.

Я почувствовала, как внутри разгорается огонь. Не уголёк — целое пламя. Оно поднималось от живота к груди, от груди к горлу, от горла к рукам. Жаркое. Нетерпеливое.

— Не подходите, — предупредила я.

— Или что? — усмехнулся воин.

Я распахнула ладони.

Огонь вырвался из меня — белый, жаркий, ослепительный. Он ударил в воинов, сбил их с ног. Доспехи задымились, но не расплавились — защищены магией. Но я видела, как они отшатнулись.

— Взять её! — закричал главный.

Они бросились на меня одновременно.

Я успела поставить блок против одного. Невидимая стена встала между мной и его мечом — клинок звякнул, отскочил. Но второй зашёл сбоку. Я не успела повернуться.

Меч полоснул по плечу. Боль — острая, как укус раскалённой проволоки. Я вскрикнула. Кровь хлынула по руке, заливая платье.

Третий удар пришёлся в бок. Я упала на колени. В глазах потемнело.

Четвёртый не пришёлся.

Потому что Даркэн зарычал.

Связанный. На коленях. Избитый. Но он зарычал. И в этом рыке было нечто древнее, от чего воины отшатнулись, а у меня мурашки побежали по коже.

Светящаяся верёвка на его руках лопнула. Магические путы разорвались, как гнилые нитки. Он встал.

Его глаза горели алым — не янтарём, не лавой, а чистым, яростным пламенем. Кожа на руках покрылась чёрной чешуёй, блестящей, как обсидиан. Когти выросли из пальцев. Он ещё не превратился полностью, но уже не был человеком.

— Её — не трогать, — сказал он. Голос звучал как гром. В нём не было ничего человеческого.

Воины замерли на секунду. Потом главный поднял меч для нового удара — по мне, распростёртой на земле.

Даркэн оказался рядом с ним быстрее, чем я успела моргнуть.

Он схватил воина за горло. Поднял в воздух одной рукой. Сжал пальцы. Хруст — и тело обмякло, меч выпал из разжатой руки.

Двое других бросились на Даркэна. Он встретил их огнём — белым, невыносимым, древним. Они вспыхнули, как сухие ветки. Их крики оборвались так же быстро, как и начались.

Четвёртый побежал. Даркэн не стал его догонять.

Он повернулся ко мне. Чешуя на его руках исчезла, глаза потускнели до янтарного. Он опустился рядом на колени, не обращая внимания на кровь и грязь.

— Лина, — его голос снова стал человеческим. Хриплым, но человеческим. — Ты ранена.

— Пустяки, — прошептала я. Голос дрожал. В глазах всё плыло.

— Два меча в тело — не пустяки.

Он разорвал рукав своей рубашки. Прижал ткань к моему плечу. Я зашипела от боли.

— Держись, — сказал он. — Сейчас.

Он поднял меня на руки — легко, будто я ничего не весила. Одной рукой прижимал к груди, другой держал повязку. Я прижималась к нему, чувствуя жар его тела, слыша сердцебиение — ровное, мощное, как удар барабана.

— Даркэн, — прошептала я, теряя сознание. — Ты спас меня.

— Я обещал, — ответил он. — Не дать тебе умереть.

Он понёс меня в башню. Я чувствовала каждый его шаг — твёрдый, уверенный. Пахло от него дымом, кровью и чем-то родным, отчего хотелось плакать.

Он уложил меня на кровать. Разрезал платье — ткань легко поддалась под его когтями. Я вскрикнула от боли, когда холодный воздух коснулся ран.

— Потерпи, — его пальцы коснулись раны. Горячие. Я почувствовала, как тепло течёт в тело, затягивая кожу, останавливая кровь.

— Ты умеешь лечить? — прошептала я.

— Каждый дракон умеет затягивать раны, — ответил он, не отрывая взгляда от моих порезов. — Но твои глубокие. Потребуется время.

Он работал молча. Аккуратно. Я смотрела на его лицо — сосредоточенное, с морщинкой между бровями. На скуле — запёкшаяся кровь, не моя. На губах — следы его собственной.

— Даркэн, — позвала я.

Он поднял глаза.

— Ты мог убежать, — сказала я. — Без меня. Ты сильный. Они бы тебя не догнали.

— Мог, — согласился он.

— Почему не убежал?

Он посмотрел на меня. Долго. Так долго, что я начала считать удары своего сердца — сначала быстрые, потом медленнее.

Потом его пальцы, всё ещё горячие от лечения, коснулись моей щеки.

— Потому что я не хочу тебя терять, — сказал он тихо.

И поцеловал меня.

Не нежно. Не осторожно. А так, будто я — его последнее спасение. Его губы — горячие, сухие, пахнут дымом и кровью. Его рука скользнула мне на затылок, придерживая, не давая отстраниться.

Я замерла на секунду. А потом ответила — неумело, жадно, вцепившись в его рубашку обеими руками, забыв о боли в плече и боку.

Он отстранился первым. Дыхание сбито. В глазах — лава, бушующая, живая.

— Ты дрожишь, — заметил он.

— От холода, — соврала я. Губы горели.

Он усмехнулся. Накрыл меня одеялом — аккуратно, чтобы не задеть раны.

— Спи, — сказал он. — Завтра будет новый день.

— А ты?

— Я никуда не уйду, — он сел рядом, взял меня за руку. — Обещаю.

Я закрыла глаза.

Его пальцы переплелись с моими. Горячие. Надёжные. Шершавые.

И я уснула — впервые без страха, под защитой дракона, который выбрал меня.

Глава 7. Сделка

Утро пришло не со светом — с тяжестью в груди.

Я открыла глаза и первое, что увидела — его пальцы, всё ещё переплетённые с моими. Он не убрал руку за ночь. Спал? Дремал? Сидел в той же позе, прислонившись к спинке кровати. Глаза закрыты, дыхание ровное, но я чувствовала — он не спит. Драконы не спят.

Я осторожно попыталась вытянуть ладонь.

— Не дёргайся, — сказал он, не открывая глаз. — Раны откроются.

— Ты не спишь?

— Я слежу за твоим пульсом, — он наконец повернул голову, и его янтарный взгляд упёрся в меня. — Ты теряла много крови. Сейчас стабильно.

— Сколько я была без сознания?

— Несколько часов. Рассвет уже наступил.

Я приподнялась на локтях. Плечо и бок болели, но глухо — как старая травма, а не свежий порез. Сквозь разорванное платье виднелись розовые полосы на коже. Зажило. Не до конца, но настолько, чтобы не кровоточить.

— Твоя магия, — поняла я. — Ты лечил меня всю ночь.

— Частично. Твоя собственная кровь тоже работает. Драконья плоть регенерирует быстрее человеческой.

Я посмотрела на свои пальцы — они уже не дрожали. Посмотрела на его лицо. Под глазом — синяк, на скуле — запёкшаяся кровь, губы потрескались.

— Ты ранен, — сказала я.

— Пустяки, — повторил он моё вчерашнее слово. — Заживёт.

— Дай посмотреть.

Я протянула руку к его лицу. Он не отстранился. Мои пальцы коснулись его скулы — горячей, жёсткой от щетины. Кровь уже запеклась, но рана была неглубокой — царапина от меча или от осколка камня.

— Тебе нужно промыть, — сказала я.

— Потом.

Он взял мою руку и убрал от своего лица. Но не отпустил. Держал в своей — широкой, тёплой, с длинными пальцами и тёмными ногтями. Я чувствовала каждый его мозоль, каждый старый шрам.

— Нам нужно поговорить, — сказал он.

— О чём?

— О том, что будет дальше.

Я села ровнее. Подтянула колени к груди. Платье висело клочьями — после того, как он разрезал его, чтобы добраться до ран. Я прикрылась одеялом, чувствуя себя уязвимой и странно защищённой одновременно.

Он отпустил мою руку. Встал. Подошёл к окну — узкой бойнице, за которой серело небо, пробиваясь сквозь ветви деревьев. Спина прямая, плечи напряжены. Я заметила, как напряглись мышцы на его спине под рваной рубашкой.

— Император прислал отряд, — начал он, не оборачиваясь. — Это значит, что он знает, где мы. Значит, кто-то из моих людей предал.

— У тебя есть люди?

— Были. Те, кто остался верен мне после ссылки. Несколько драконов, несколько людей. Теперь я не уверен ни в ком.

Он повернулся. В сером утреннем свете его лицо казалось высеченным из камня — острые скулы, шрам, глаза, в которых застыла усталость.

— Мы не можем оставаться здесь. Они вернутся. С большим отрядом. С более сильными магами. В следующий раз меня могут связать крепче.

— Куда мы пойдём?

— В Ничьи земли, — ответил он. — За границу империи. Там нет законов. Нет императора. Нет магической стражи. Но есть те, кто может нам помочь.

— Кто?

— Изгои. Те, кого император изгнал. Те, кто хочет ему отомстить. Те, кто не боится нарушать правила.

Он подошёл ближе. Остановился в шаге от кровати.

— Но чтобы туда добраться, нам нужно пройти через Перевал Ветров. А он охраняется.

— Кем?

— Тварями, — он помолчал. — И не только. Лучше тебе не знать. Увидишь — сама поймёшь.

Я смотрела на него. На его шрамы. На синяк под глазом. На запёкшуюся кровь на скуле. На руки, которые прошлой ночью держали меня так, будто я была единственным, что имело значение.

— Даркэн, — сказала я. — Ты говорил, что я — шанс для тебя вернуться во дворец. Почему тогда мы бежим в Ничьи земли?

— Потому что сейчас ты слишком слаба, — ответил он. — Если мы пойдём во дворец сейчас, тебя убьют. И меня заодно. У императора есть маги, которые блокируют драконью силу. Я не смогу защитить тебя.

— А если я стану сильнее?

— Тогда у нас будет два пути. Первый — пойти во дворец и предъявить метку. Ты станешь наследницей. Я — твоим защитником. Мы потребуем правосудия.

— А второй?

— Второй — остаться в Ничьих землях. Скрываться до конца жизни. Никогда не видеть неба над империей. Никогда не летать.

Он сказал это спокойно, но я услышала — в его голосе зазвенела тоска. Он хотел летать. Он хотел вернуться.

— Ты хочешь вернуться, — поняла я. — Ты хочешь доказать, что не предатель.

Он усмехнулся — криво, одной стороной рта. Эта усмешка делала его лицо одновременно опасным и уязвимым.

— Я хочу, чтобы моё имя было очищено, — сказал он. — Я хочу снова летать над империей, не прячась. Я хочу, чтобы те, кто предал меня, получили по заслугам. Я хочу...

Он замолчал.

— Что? — переспросила я.

— Ничего, — резко оборвал он. — Не важно.

Он подошёл к кровати. Сел напротив меня — на край, так, что наши колени почти касались. Теперь мы были на одном уровне. Я видела каждую морщинку вокруг его глаз, каждую родинку на шее.

— Давай заключим сделку, Лина.

— Какую?

— Я учу тебя магии. Я защищаю тебя. Я делаю тебя сильной — настолько, что никто не посмеет тронуть тебя. А ты...

— Что?

— Ты помогаешь мне вернуться, — сказал он. — Когда придёт время. Не ради меня — ради себя. Потому что без меня тебя убьют. А без тебя я так и останусь изгоем.

Я смотрела в его глаза. Янтарные, с красными прожилками, с вертикальным зрачком, который сузился, когда он ждал моего ответа. В них не было лжи. Не было и доброты — только холодный расчёт и что-то ещё, что я не могла прочесть.

— Это называется не сделкой, — сказала я. — Это называется альянсом.

— Называй как хочешь. Согласна?

— А если я скажу нет?

— Тогда я всё равно буду защищать тебя, — ответил он без колебаний. — Но без твоего согласия мне будет труднее.

— Почему?

— Потому что ты — не моя вещь, — он сказал это так, будто объяснял очевидное. — Я не могу приказывать тебе. Я могу только просить. Если ты не согласна — я не имею права требовать.

Я удивилась. После всего, что я видела — его силы, его жестокости на тренировках, его способности убивать одной рукой — он говорил о правах.

— Ты — дракон, — сказала я. — Ты мог бы просто взять меня силой.

— Мог бы, — согласился он. — Но тогда ты возненавидишь меня. А мне нужно, чтобы ты доверяла мне.

— Зачем?

— Потому что без доверия ты не раскроешь свою силу, — его голос стал тише. — А без твоей силы мы оба мертвы. Ты — ключ, Лина. Не я. Ты.

Я молчала. Обдумывала. В башне было тихо — только потрескивали дрова в камине, который Даркэн зажёл, пока я спала. Только моё сердце стучало — слишком громко, слишком быстро.

Он ждал. Не торопил. Не давил. Просто смотрел на меня своими янтарными глазами, и в этом взгляде было терпение хищника, который знает, что добыча никуда не денется.

— Хорошо, — сказала я наконец. — Я согласна.

— На что именно? — уточнил он.

— На альянс. Ты учишь меня. Я помогаю тебе. Мы не бросаем друг друга.

— Договорились, — он протянул руку.

Я пожала её. Ладонь горячая, пальцы сильные. Он задержал мою руку в своей дольше, чем нужно — на пару ударов сердца. Потом отпустил.

— Ещё одно условие, — сказал он.

— Какое?

— Никакой лжи, — его голос стал твёрже. — Между нами. Если я спрошу — отвечай правду. Если ты спросишь — я отвечу. Даже если правда болезненная. Даже если она может нас уничтожить.

— Особенно если может уничтожить?

— Особенно тогда, — кивнул он.

Я посмотрела на него. На шрам на скуле. На синяк под глазом. На руки, которые прошлой ночью разорвали магические путы, чтобы спасти меня.

— Договорились, — сказала я. — Никакой лжи.

Он кивнул. Встал.

— Тогда собирайся. Через час уходим.

— Куда?

— В Ничьи земли. Дорога займёт несколько дней. Нужно выступить до заката — в темноте Перевал ещё опаснее.

Он направился к двери. Я смотрела на его широкую спину, на татуировку дракона между лопатками, на то, как двигаются мышцы под кожей.

— Даркэн, — окликнула я.

Он обернулся.

— Прошлой ночью ты поцеловал меня, — сказала я. — Это было частью сделки?

Он замер. На его лице мелькнуло что-то — удивление? Нет. Что-то другое, более тёмное. Более живое.

— Нет, — ответил он тихо. — Это было не по сделке.

— Тогда зачем?

Он посмотрел на меня долго. Так долго, что я начала считать удары своего сердца. Раз. Два. Три. Четыре. Пять.

— Ты сама сказала, — наконец произнёс он. — Никакой лжи.

Он вернулся. Подошёл вплотную. Теперь между нами было не больше ладони. Я чувствовала жар его тела, даже не касаясь. Слышала его дыхание — ровное, глубокое. Видела, как расширяются его зрачки.

— Я поцеловал тебя, потому что хотел, — сказал он, глядя мне в глаза. — Потому что ты лежала в крови, и я понял, что не хочу жить в мире, где тебя нет. Потому что ты — первая за десять лет, кто не бежит от меня. Кто не дрожит. Кто не просит пощады.

Он сделал паузу. Провёл рукой по своим волосам — отбросил их назад. Жест ленивый, почти надменный. Но в глазах — не надменность. Жар.

— И потому что я, — он наклонился ближе, — начинаю забывать, где кончается дракон и начинается мужчина. Когда ты рядом.

Его губы почти касались моего лба. Я чувствовала его дыхание — горячее, с запахом дыма.

— Это опасно, — прошептала я.

— Знаю, — ответил он.

— Для нас обоих.

— Знаю.

Он выпрямился. Отступил на шаг. В его глазах лава успокоилась, но не погасла.

— Поэтому мы не будем этого делать, — сказал он. — Пока ты не станешь сильной. Пока я не пойму, могу ли я защитить тебя не только от врагов, но и от себя.

— От себя?

— Дракон, который теряет контроль, может убить того, кого любит, — сказал он тихо. — Я не хочу убить тебя.

Слово «любит» повисло в воздухе, как искра.

Я не успела ответить. Он развернулся и вышел из комнаты, оставив меня сидеть на кровати с бьющимся сердцем и горящими щеками.

Лоб горел там, где он почти поцеловал меня.

Губы помнили его поцелуй — горячий, жадный, отчаянный.

— Чёрт, — прошептала я. — Чёрт, чёрт, чёрт.

Я сползла с кровати. Нашла в сундуке другую одежду — простую льняную рубашку и тёмные штаны, явно мужские, но чистые. Натянула. Сапоги зашнуровала туго.

В большой комнате Даркэн уже собирал вещи — кидал в мешок какие-то склянки, сухари, карту на пергаменте. Увидел меня в штанах — усмехнулся.

— Лучше, — сказал он. — В платье драться неудобно.

— Это твоё?

— Было. Когда я был младше и тощее.

— А теперь ты не тощий.

— Теперь я дракон, — поправил он. — Драконы не бывают тощими.

Он закинул мешок на плечо. Подошёл к двери.

— Готова?

— Нет, — честно ответила я. — Но всё равно пойду.

Он кивнул. Открыл дверь.

Утренний лес встретил нас холодом и птичьим гомоном. Солнце только поднималось над деревьями, золотя верхушки.

— Даркэн, — позвала я, когда мы вышли на тропу.

— Мм?

— Ты сказал, что не будешь меня целовать. А если я сама захочу?

Он остановился. Повернулся ко мне. В его глазах лава вспыхнула — ярко, горячо.

— Тогда, — сказал он тихо, — тебе придётся быть очень смелой.

Он отвернулся и пошёл вперёд, не оборачиваясь.

Я пошла за ним, чувствуя, как метка на запястье пульсирует в такт сердцу.

Впереди были Ничьи земли.

Впереди была опасность.

Впереди был он.

Глава 8. Первый срыв

Мы шли уже четыре часа.

Лес вокруг сменился — деревья стали выше, кора чернее, воздух тяжелее. Между стволами вился сизый туман, пахло гнилью и чем-то сладковатым. Даркэн шёл впереди, не оглядываясь. Я едва поспевала за ним, цепляясь за корни и ветки.

Штаны были удобными, но ноги всё равно гудели. Мои — новые, в этом теле, непривычные к таким переходам. Плечо, залеченное ночью, ныло при каждом резком движении.

— Отдохнём, — бросил Даркэн, не оборачиваясь.

Он остановился у огромного валуна, поросшего мхом. Скинул мешок на землю. Я рухнула рядом, прислонившись спиной к камню.

— Перевал Ветров будет завтра к вечеру, если не сбавим темп, — сказал он.

— Мы не сбавим?

— Нет.

Он протянул мне флягу. Я сделала глоток — вода была холодной, с привкусом металла.

— Даркэн, — сказала я, вытирая губы. — Откуда ты знаешь дорогу? Ты же был сослан на границу, а не в Ничьи земли.

— Я родился здесь, — ответил он. — В этой башне. Но до ссылки я патрулировал границу. Здешний лес знаю как свои шрамы.

Он сел рядом, вытянув длинные ноги. Я заметила, как он сканирует взглядом окрестности — голова поворачивается плавно, без рывков, как у хищника, отслеживающего добычу.

— Нас не преследуют? — спросила я.

— Пока нет. Но они вернутся. Ищейкам нужно время, чтобы взять новый след.

Он помолчал. Потом посмотрел на меня.

— Как твои раны?

— Ноют. Но терпимо.

— Покажи.

Я задрала рубашку до плеча. На коже остались розовые полосы — следы от мечей. Даркэн коснулся их пальцами. Горячо. Я вздрогнула.

— Заживает быстрее, чем у людей, — сказал он. — Ещё два-три дня — и не останется следа.

— Это из-за драконьей крови?

— Да. Твоё тело адаптируется. Быстрее, чем я ожидал.

Он убрал руку, и я снова пожалела о потере тепла.

— Даркэн, — спросила я, пряча плечо. — Тот ищейка, который убежал. Он расскажет императору, что ты убил троих?

— Расскажет. Император узнает, что я нарушил приказ и защищал тебя. Теперь на моей голове не только измена, но и убийство его людей.

— Ты не боишься?

— Бояться поздно, — он усмехнулся. — Я сделал выбор. Как и ты.

Он встал, отряхнул штаны.

— Идём. Нам нужно пройти ещё миль десять до темноты.

К вечеру лес стал ещё мрачнее.

Деревья сомкнулись над головой, образовав живой тоннель. Туман сгустился, и я почти не видела своих ног. Даркэн взял меня за руку — не спрашивая, просто вложил свою ладонь в мою.

— Не теряйся, — сказал он.

Его рука была надёжной. Горячей.

— Даркэн, — шепнула я. — Ты говорил, что в Ничьих землях живут изгои. Они нам помогут?

— Не все. Но есть те, кто должен мне. Я спасал их жизни. Теперь придёт время отдавать долги.

— А если они откажут?

— Тогда мы попробуем пройти Перевал сами. Но это почти самоубийство.

Я хотела спросить почему, но в этот момент лес расступился, и мы вышли к реке.

Чёрной. Не вода — чёрная, как чернила, и неподвижная. Ни течения, ни ряби. Зеркало. Даркэн остановился на берегу.

— Это граница, — сказал он. — За рекой начинаются Ничьи земли.

— Переходим?

— Моста нет, — он посмотрел на воду. — Придётся вплавь.

— Ты шутишь? В этой чёрной воде?

— Она не опасна, — сказал он. — Просто холодная.

Он начал снимать меч, перекинул его через спину. Я смотрела на чёрную гладь и не верила, что это безопасно.

— Даркэн, а если там что-то водится?

— Водится, — он усмехнулся. — Но нас не тронет. Я дракон.

Он вошёл в воду первым. Чёрная жижа дошла ему до пояса. Он обернулся ко мне, протянул руку.

— Иди. Не бойся.

Я сделала шаг. Холод — ледяной, пронзительный. Он ударил в ноги, поднялся к животу, к груди. Я задохнулась, вцепилась в руку Даркэна.

— Держись, — сказал он.

Мы переходили реку медленно. Вода поднималась выше — уже по грудь, по плечи. Я чувствовала, как холод вытягивает тепло из тела. Зубы застучали.

Даркэн обнял меня одной рукой, прижал к себе.

— Терпи, — сказал он у самого уха.

Его тело было горячим — как печка. Я прижималась к нему, чувствуя, как его жар отгоняет холод.

Наконец ноги коснулись дна. Вода пошла на спад. Мы вышли на берег — мокрые, продрогшие.

— Видишь? — сказал Даркэн. — Живы.

— Это было ужасно, — выдохнула я.

— Зато быстро.

Он развёл руками, и огонь вырвался из его ладоней — не атакующий, а согревающий. Тёплый воздух окутал нас, высушивая одежду.

Я стояла, закрыв глаза, и чувствовала, как жизнь возвращается в тело.

— Лина, — голос Даркэна стал напряжённым. — Открой глаза.

Я открыла.

За нами, на том берегу, стояли фигуры. Чёрные. Много. Десятки.

— Ищейки, — выдохнул Даркэн. — Целая армия.

— Они перейдут реку?

— Не успеют. Я сожгу мост.

Он поднял руки. Огонь вырвался из его ладоней, ударил в чёрную воду. Вода вспыхнула — я не знала, что вода может гореть. Пламя поднялось стеной, отделяя нас от того берега.

— Бежим, — скомандовал Даркэн.

Он схватил меня за руку, и мы побежали.

Земля Ничьих земель оказалась выжженной пустошью.

Ни травы, ни деревьев. Только чёрная, потрескавшаяся земля, уходящая к горизонту. И ветер — холодный, злой, он дул в лицо, не давая дышать.

— Это Перевал Ветров? — спросила я.

— Нет, — Даркэн остановился, оглядываясь. — Это предместье. Здесь были поля. До войны.

— Какой войны?

— Древней. Между драконами. Той, что расколола империю.

Он пошёл вперёд, но уже медленнее. Я чувствовала — он напряжён. Сильнее, чем в лесу.

— Даркэн, что-то не так?

— Ты не чувствуешь?

— Что?

— Магию, — он повернулся ко мне. — В воздухе. Она давит.

Я прислушалась. Сначала ничего. Потом — тяжесть. Словно кто-то накинул мне на плечи свинцовое одеяло.

— Чувствую, — прошептала я.

— Это место проклято, — сказал Даркэн. — Здесь упал последний дикий дракон. Его кровь пропитала землю. Она всё ещё злится.

Мы пошли дальше. Ветер усиливался. Он завывал, как живой.

— Даркэн, я начинаю задыхаться, — сказала я.

— Потерпи. Скоро будет убежище.

Но мы не дошли.

Земля под ногами затряслась. Трещина разошлась в сторону, разрывая чёрную корку. Из неё повалил дым — горячий, серый.

— Ложись! — крикнул Даркэн.

Я упала на землю. Он накрыл меня своим телом.

Из трещины вырвалось пламя — не жёлтое, не белое. Синее. Холодное. Оно ударило в небо, и ветер завыл громче.

— Что это? — закричала я.

— Дух дикого дракона, — ответил Даркэн. — Он проснулся. Чужая кровь — твоя кровь — разбудила его.

— Что мне делать?

— Не двигайся. Не дыши. Не зли его.

Мы лежали на чёрной земле. Дым окутывал нас. Я чувствовала, как Даркэн сжимает мои плечи, прижимая к себе.

Пламя над трещиной начало менять форму. Оно вытянулось, закрутилось, и я увидела — в нём проступали очертания. Крылья. Морда. Глаза.

Дух дракона.

Он смотрел на нас.

— Даркэн, — прошептала я. — Он видит нас.

— Знаю.

— Он злится.

— Знаю.

Дух раскрыл пасть. Из неё вырвался звук — не рык, не крик. Что-то древнее, отчего закладывало уши и темнело в глазах.

Я почувствовала, как внутри что-то откликнулось.

Метка на запястье вспыхнула — золотом, ярко, больно.

— Нет, — сказал Даркэн, но было поздно.

Огонь вырвался из меня. Не моя воля — не моя. Что-то внутри, древнее, как этот дух, поднялось и ответило на его зов.

Пламя ударило в небо — жёлтое, оранжевое, белое. Оно смешалось с синим огнём духа. Они кружились, бились, рвали друг друга.

— Остановись! — Даркэн тряс меня за плечи. — Лина, остановись!

Я не могла.

Огонь вырывался из моих глаз, изо рта, из ладоней. Я горела изнутри — но не испепелялась. Я чувствовала каждую искру, каждую каплю лавы в своих венах.

— Ты убьёшь себя! — крикнул Даркэн.

Он прижал меня к земле, накрыл своим телом, закрыл от неба.

— Чувствуй меня, — сказал он. — Только меня.

Его голос пробился сквозь гул огня.

— Дыши со мной, — он взял мою руку, прижал к своей груди. — Чувствуешь? Моё сердце. Следуй за ним.

Я слышала его сердцебиение. Ровное. Сильное.

Я сосредоточилась на нём.

Огонь внутри начал успокаиваться. Не сразу — медленно, с сопротивлением. Но он утихал.

— Хорошо, — шептал Даркэн. — Хорошо, маленькая. Ты справляешься.

Мои руки перестали светиться. Глаза перестали жечь.

Дух над трещиной замер, посмотрел на нас, а потом растворился в воздухе.

Я лежала на земле, глядя в серое небо. Даркэн нависал надо мной, его лицо было в копоти, глаза горели тревогой.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Кажется, да, — прошептала я. — Что это было?

— Первый срыв силы, — ответил он. — Дух дикого дракона спровоцировал твою кровь.

Она ответила.

— Это опасно?

— Это смертельно, — жёстко сказал он. — Если бы я не остановил тебя, ты бы сгорела.

Изнутри.

Я села. Всё тело болело, но я была жива.

— Ты снова спас меня, — сказала я.

— Я делаю это слишком часто, — он усмехнулся. — Привыкай.

Он помог мне встать. Поднял мешок.

— Нам нужно уходить отсюда. Дух успокоился, но он может вернуться.

— Даркэн, — я схватила его за руку. — Тот огонь. Он был не мой.

— Твой, — поправил он. — Просто ты его не контролировала. Теперь мы знаем, что сила внутри тебя огромна. И очень опасна.

— Что, если я не смогу её контролировать?

Он посмотрел на меня. В его глазах — не страх. Твёрдость.

— Сможешь. Потому что я буду рядом.

Мы пошли дальше по чёрной пустоши, оставляя за спиной трещину и успокоившегося духа.

Я сжимала его руку и чувствовала — тепло, которое передаётся от его пальцев, сильнее любого пламени.

Впереди ждали Ничьи земли.

Но теперь я знала: что бы ни случилось, он не отпустит меня.

Глава 9. Не человек

Второй день в Ничьих землях. И каждый шаг здесь — как удар.

Земля под ногами больше не пахнет. Ни травой, ни влагой, ни живым. Чёрная корка, потрескавшаяся на тысячи осколков, хрустит под подошвами. Каждый мой шаг отдаётся глухим стуком, будто я иду по крышке огромного гроба.

Ветер. Он не прекращается. Ни на секунду. Он дует в лицо, в спину, сбоку — отовсюду сразу. Холодный, сухой, как выдох каменной пустыни, он забирает тепло из тела, выдувает мысли, оставляя только одно: идти. Идти. Не останавливаться.

Даркэн впереди. Всегда впереди.

Его спина — единственная вертикаль в этом зыбком мире. Широкая, мощная, она заслоняет горизонт. Чёрная рубашка хлопает на ветру, открывая полосы смуглой кожи на пояснице. Меч за спиной мерно постукивает о ножны — ритмично, как второе сердце. Он идёт ровно, широко, не оглядываясь. Но я знаю — он чувствует каждый мой вздох. Каждое моё замедление. Каждый взгляд, который я украдкой бросаю на его плечи.

Плечи. Господи, когда я успела начать замечать его плечи?

— Долго ещё? — голос срывается, ветер крадёт слова.

— К вечеру, — бросает он через плечо. Голос низкий, ровный, как камертон. В нём нет ни тени усталости. Только сила, которая дремлет под кожей. — Будем у Перевала.

— Мы не передохнём?

— Нет.

И мы идём дальше. Пустошь тянется бесконечно. Горизонт — ни одного изгиба. Небо — серое, тяжёлое, низкое. И нет ни одной птицы. Ни одной твари. Только мы двое и ветер.

Я смотрю на него. На то, как двигаются мышцы под тканью рубашки, когда он переступает с ноги на ногу. Плавно. Текуче. Как у хищника. Каждое движение — сдержанная сила. Он не идёт — он течёт по этой мёртвой земле, как огонь по сухой траве.

Я отвожу взгляд. Сжимаю кулаки. Не время. Сейчас не время.

Но сердце колотится быстрее.

После вчерашнего я чувствую себя иначе.

Тот огонь, который вырвался из трещины. Дух дикого дракона. Он смотрел на меня. И я смотрела на него. А потом внутри меня что-то открылось. Не дверь. Не окно. Глубже.

Будто кто-то снял крышку с колодца, который всегда был во мне, но я о нём не знала.

Теперь оттуда тянет жаром. Не обжигающим. Тяжёлым. Древним. И этот жар как-то странно связан с ним. С каждым его движением. С каждым его взглядом.

— Даркэн, — зову я. Мой голос звучит ниже, чем обычно. Хриплее.

Он замедляется. Позволяет мне поравняться.

Теперь мы идём рядом. Я чувствую его локоть — в двух пальцах от моего. Если бы я чуть качнулась, наши руки бы соприкоснулись.

— Что со мной было вчера? Тот огонь... Он был не мой. Он был сильнее.

Даркэн не смотрит на меня. Смотрит в пустошь. Глаза прищурены, зрачки сузились — он сканирует горизонт. Но я замечаю, как его ноздри чуть раздуваются. Он вдыхает мой запах.

— Твоя кровь проснулась, — говорит он. — Имперская кровь. Она старше меня. Старше императора. Старше этой земли.

— Что она помнит?

Он останавливается.

Поворачивается.

Теперь его глаза смотрят прямо в мои. Глубокие, янтарные, с вертикальным зрачком, который медленно расширяется. Я вижу в них отражение своего лица — бледного, с распахнутыми глазами. И что-то ещё. Что-то тёмное. Горячее.

— Она помнит, как быть драконом, — тихо говорит он.

Ветер вырывает слова из его губ, но я всё равно их слышу. Я впитываю каждую букву. Замираю.

— Я не дракон. Я человек.

Он смотрит долго. Так долго, что я успеваю сосчитать удары своего сердца. Десять. Двадцать. Тридцать. С каждым ударом воздух между нами становится плотнее. Тяжелее. Будто кто-то наливает в пространство мёд.

— Ты думаешь, метка на твоей руке — просто рисунок? — его голос становится почти шёпотом. Он делает шаг вперёд. Теперь между нами — ладонь. Я чувствую жар его тела. Он пахнет дымом, металлом и чем-то пряным, как гвоздика. — Или кровь в твоих венах — чужая? Она твоя. Она всегда была твоей. Просто ты не знала.

— Я родилась человеком. В другом мире.

— Да, — он кивает. Его глаза скользят по моему лицу — медленно, как пальцы. Останавливаются на губах. На секунду дольше, чем нужно. — Твоя душа пришла отсюда. Но тело, которое ты носишь... оно принадлежало Алире. А Алира выпила кровь императорского ребёнка. Та кровь изменила её тело. Оно перестало быть полностью человеческим.

— Так я... не человек?

Он делает ещё шаг. Вплотную. Берёт моё запястье. Не грубо — мягко, но так, что я не могу вырваться. Метка под его пальцами вспыхивает ярче. Я чувствую, как его тепло проникает в мою кровь, смешивается с моим жаром.

Он наклоняется. Его губы — у моего уха. Я слышу его дыхание. Горячее. Прерывистое.

— Ты не человек, Лина, — шепчет он. — Ты — нечто большее. Или меньшее — как посмотреть. Ты — носительница крови, которая может уничтожить империю. Или спасти её.

— Я не выбирала этого.

— Никто не выбирает, — его пальцы сжимаются крепче. Я чувствую его пульс. Или свой? Не понять. — Но ты можешь выбрать, что делать дальше. И с кем.

Он отпускает. Отворачивается. Идёт дальше.

Но я вижу — его пальцы дрожат. Самую малость.

Я стою. Секунду. Две. Ветер бьёт в лицо, заставляя глаза слезиться. Внутри — пожар. Он не жжёт — он плавит меня изнутри.

А потом я бегу за ним.

— Даркэн, подожди! Что значит «не совсем человеческое»? Я могу превратиться? Как ты?

Он не оборачивается, но отвечает. Голос — ровный, как поверхность чёрной воды. Но я слышу в нём вибрацию. То же напряжение, что и во мне.

— Не знаю. Никто не знает. Такое впервые.

— Как впервые?

— Никто не крал кровь нерождённого. Никто не переносил её в чужое тело. Никто не приходил из другого мира. Ты — первый случай. Уникальный.

— Это хорошо?

Он усмехается. Поворачивается на ходу. В его глазах — не только усталость. Огонь. Живой. Настоящий.

— Ты спрашиваешь дракона, хорошо ли быть уникальной? — его голос теряет ровность, становится ниже, с хрипотцой. — Ты не представляешь, сколько мужчин мечтали бы прикоснуться к тому, что скрыто в тебе.

Я краснею. Понимаю двусмысленность. Отвожу взгляд.

Он смеётся — низко, грудью.

— Не бойся. Я не про то.

— А про что?

Он останавливается. Поворачивается ко мне. Солнце — тусклое, через пелену облаков — освещает его лицо. Высокие скулы. Шрам на левой скуле. Губы — чуть приоткрытые, сухие. Он смотрит на меня так, будто я — единственное живое существо на тысячи миль.

— Про то, что никто не знает пределов твоей силы, — говорит он. — И никто не знает, какое пламя ты можешь зажечь. В том числе во мне.

Он идёт дальше.

Я сжимаю кулаки. Иду следом. Внутри всё дрожит.

Мы идём дальше. Пустошь не меняется. Чёрная корка под ногами, серая пелена над головой. Но теперь между нами — не только ветер. Что-то ещё.

— Даркэн, — говорю я, чтобы разорвать тишину. — Тот дух. Дикий дракон. Он напал на меня, потому что почувствовал мою кровь?

— Да. Дикие драконы ненавидят императорскую кровь. Считают её предательской.

— Почему?

— Старая история, — его голос становится глуше. Он замедляется, идёт рядом. Наши локти почти касаются. Я чувствую жар его тела через ткань. — Когда-то драконы были свободны. Летали без правил. Никому не служили. Потом пришёл первый император — человек, который сумел договориться с одним из нас. Моим предком. Тот предал свой род. Обменял свободу на золото и власть.

— И теперь дикие проклинаят вас?

— Они проклинаят любого, в ком течёт императорская кровь, — он поворачивает голову, смотрит на меня. В его глазах — янтарь и лёд одновременно. — Но я не чувствую проклятия, когда смотрю на тебя. Только жар.

Он отворачивается. Ускоряется.

Оставляет меня стоять с пылающими щеками.

Мы останавливаемся на краю обрыва.

Внизу — долина. Чёрная, выжженная. Каменные глыбы торчат из земли, как сломанные зубы. А за долиной — горы. Острые, чёрные, с белыми шапками на вершинах.

— Перевал Ветров, — говорит Даркэн. — За ним — Ничьи земли. Те самые.

— Они кажутся пустыми, — шепчу я.

— Там ничего нет, — его голос звучит странно. Отрешённо. — Только камни и ветер. Но иногда камни говорят.

— Что ты имеешь в виду?

— Увидишь.

Он стоит ко мне полубоком. Я вижу его профиль — жёсткий, красивый, с высокой линией скул. Ветер треплет его чёрные волосы, открывая шею. Там, где пульсирует жила. Я смотрю на неё и чувствую, как внутри разгорается голод. Не физический. Другой.

Он перехватывает мой взгляд.

— Ты смотришь, — замечает он.

— Смотрю.

— На что?

— На тебя.

Он усмехается. Медленно. Его губы растягиваются в опасной, тягучей усмешке.

— Смотри, — разрешает он. — Я не против.

Небо над горами темнеет. Не к ночи. К буре. Тучи клубятся высоко, тяжело, низко. Пахнет озоном и пылью.

— Буря идёт, — замечает Даркэн. — Нам нужно укрытие.

Он оглядывается. Кивает на скалу справа. В ней — расщелина. Узкая, почти незаметная. Но достаточно глубокая, чтобы спрятаться от ветра.

— Туда.

Мы забираемся внутрь.

Тесно. Теснее, чем я думала. Стены сходятся, образуя неглубокий карман. Я чувствую его плечо своим плечом. Его бедро — своим. Тепло его тела заполняет всё пространство. Он садится у входа, спиной к ветру, лицом ко мне. Я сажусь напротив. Но расстояние между нами — всего вытянутая рука.

В полумраке его лицо кажется вырезанным из тёмного дерева. Глаза горят — два янтарных угля. Дыхание ровное, но я слышу — оно чуть быстрее обычного.

— Холодно? — спрашивает он.

— Нет, — отвечаю я. Потому что внутри меня — его жар.

Он протягивает руку. Пальцы касаются моего запястья. Метка вспыхивает.

— Врёшь, — говорит он тихо. — Ты дрожишь.

— Не от холода.

Его пальцы замирают. Наши взгляды встречаются. В расщелине нет ветра, нет звуков — только наше дыхание. Хриплое. Горячее.

— От чего же? — его голос — шёпот.

— От тебя.

Я говорю это не думая. Слова сами срываются с губ. Я не знаю, откуда они берутся. Из того колодца? Из жара внутри?

Он смотрит на меня долго. Так долго, что я перестаю дышать.

Потом отводит взгляд.

— Расскажи о своём мире, — просит он. Глухо. — Хочу понять, кто ты. Откуда пришла. Я выдыхаю. Собираюсь с мыслями.

— В моём мире нет магии, — начинаю я. — Совсем. Люди ездят в металлических коробках — машинах. Летают в металлических птицах — самолётах. Разговаривают на расстоянии через маленькие прямоугольники — телефоны.

— Скучно, — говорит он. Но его голос уже не холодный. Он слушает. По-настоящему.

— Не то слово, — я усмехаюсь. — Каждый день — одинаковый. Работа. Дом. Еда. Спать. Никаких драконов. Никаких приключений. Никакого смысла.

— А теперь есть смысл?

Я смотрю на него. На его глаза. На жёлтые искры в глубине зрачков. На шрам на скуле. На губы — чуть приоткрытые.

— Есть, — шепчу я.

Он молчит. Долго. Так долго, что я начинаю слышать, как кровь стучит в висках.

— Ты хотела бы вернуться? — спрашивает он наконец.

— Нет, — вырывается раньше, чем я думаю. — Я не хочу. Просто... боюсь.

— Чего?

— Что не справлюсь. Что умру здесь. Что подведу тебя.

Он поднимает руку. Медленно. Неотвратно. Его пальцы касаются моей щеки. Горячие. Шершавые. Он проводит большим пальцем по скуле — легонько, почти невесомо. У меня перехватывает дыхание.

— Ты не умрёшь, — говорит он. — Я не позволю.

— Ты не можешь обещать такое.

— Могу, — его голос становится твёрже, глубже. Он наклоняется ближе. Теперь я чувствую его дыхание на своих губах. — Драконы не дают обещаний, если не уверены. А я уверен.

— В чём?

— В тебе.

Он не целует меня. Стоит в миллиметре. Его глаза смотрят в мои. В них — лава, но спокойная. Терпеливая.

— Ты так на меня смотришь, — шепчу я.

— Как?

— Будто я — что-то ценное.

— Ты и есть ценное, — отвечает он. — Единственное, что я не хочу терять.

— Даркэн...

— Не надо, — перебивает он. — Не надо сейчас.

Он убирает руку. Отодвигается. В расщелине становится холоднее. Я уже жалею о потерянном тепле.

Он поворачивается ко мне всем телом. Садится на корточки. Наши лица на одном уровне.

— Тот дракон... твой предок, который предал свой род, — говорю я, чтобы развеять напряжение. — Ты гордишься им?

— Нет, — он качает головой. — Я не горжусь. Но я не могу отречься от него. Его кровь течёт во мне.

— И как ты к этому относишься?

— Раньше — никак, — он пожимает плечами. — А теперь... теперь я не знаю.

— Потому что император объявил тебя предателем?

— Потому что я начал сомневаться, — поправляет он. — В том, кому мы служим. В том, за что мы сражаемся. В том, кто мы на самом деле. А потом появилась ты.

— Я?

— Ты. Твоя кровь. Твоя метка. Твои вопросы. Ты смотришь на меня не так, как другие. Не как на оружие. Не как на чудовище. Ты смотришь так, будто я — просто мужчина.

— Потому что ты и есть мужчина, — говорю я. — Не только дракон. И я это чувствую. Каждый раз, когда ты рядом.

Он сглатывает. Я вижу, как движется его кадык.

— Лина, — шепчет он. — Ты не представляешь, чего мне стоит не прикоснуться к тебе.

— А что, если я разрешу?

Воздух между нами взрывается.

Его ладонь ложится на мою щеку. Горячая. Сухая. Требовательная. Он проводит большим пальцем по моим губам. Я чувствую его дрожь.

— Ты играешь с огнём, — хрипит он.

— Я и есть огонь, — отвечаю я.

Он замирает. На секунду. На две. Потом резко отстраняется. Встаёт.

— Буря утихает, — говорит он глухо. — Нам пора.

Он выходит из расщелины, не оборачиваясь.

Я остаюсь сидеть, прижимая руки к груди. Сердце колотится, как бешеное. Губы горят там, где он коснулся.

— Чёрт, — шепчу я. — Чёрт, чёрт, чёрт.

Дождь уже перестал. Тучи расходятся, открывая чистое небо. Три луны висят над горами — красная, золотая, голубая. Ветер стих.

Даркэн стоит на краю обрыва. Спина ко мне. Плечи напряжены.

— Перевал ждёт, — говорит он. — Идём.

Я подхожу к нему. Останавливаюсь рядом. Наши плечи почти касаются.

— Даркэн, — зову я.

Он не оборачивается.

— Спасибо, — говорю я. — За то, что не сделал того, о чём мы оба могли бы пожалеть.

— Я пожалел уже, — тихо отвечает он. — О том, что не сделал.

Он делает шаг вперёд.

Я иду за ним.

Внутри — пожар. Он уже не прячется. Он течёт по венам, пульсирует в метке, горит в глазах.

Я — не человек. Я — нечто большее. Я — та, кто зажгла пламя в сердце дракона.

И это только начало.

Глава 10. Притяжение между нами

После расщелины между нами поселилось нечто новое. Не дружба. Не альянс. Оно висело в воздухе, как запах грозы перед ударом — густое, электрическое, невыносимо сладкое.

Я шла за Даркэном по краю обрыва, и каждый его шаг отзывался где-то глубоко внутри — в том самом колодце, где дремал огонь. Смотрела на его спину: широкие плечи, лопатки, напряжённые под мокрой рубашкой. Позвонки. Каждый его шаг — пружинистый, хищный — заставлял моё сердце сбиваться с ритма.

Что, если бы я тогда, в расщелине, не отступила? Что, если бы сама шагнула в его объятия?

Он чувствовал мой взгляд. Я знала это по тому, как чуть шире становились его шаги, как выпрямлялась спина, как он начинал дышать носом — глубоко, будто втягивая мой запах. Он шёл для меня. Сознательно. Красиво.

Чёрт, какой же он красивый.

— Даркэн, — сорвалось с губ.

— Мм? — даже не обернулся, но в его голосе проскользнуло ожидание.

— Ты специально так двигаешься?

Он остановился. Медленно — как зверь, который услышал добычу. Повернулся ко мне всем телом. Его глаза — не янтарь, а расплавленный мёд — прошлись по моему лицу, задержались на губах, на ключицах, на том, как вздымается грудь.

— А ты смотришь? — голос низкий, с хрипотцой, которая заставила мои пальцы сжаться в кулаки.

— Смотрю, — честно ответила я. — Отвести взгляд не могу.

— И что видишь?

— Мужчину, который сводит меня с ума. Каждой своей секундой.

Расстояние между нами сжалось до ладони. Я почувствовала жар его тела — не метафорический, настоящий, физический. Он шагнул, и я не отступила. Его пальцы легли на мой подбородок — требовательно, невесомо, как перо и как сталь одновременно. Он приподнял моё лицо.

— Ты знаешь, что будет, если мы продолжим? — его шёпот обжёг мои губы.

— Что?

— Я не смогу думать о Перевале. Не смогу сражаться. Я буду думать только о тебе. О твоих губах. О том, как ты пахнешь.

— Тогда не думай, — выдохнула я.

Он замер. Мышцы челюсти напряглись желваками. Пальцы сжались на моём подбородке — на секунду, не больно, просто сильно, до лёгкого покалывания. Потом резко отпустил меня и отступил на шаг. Словно обжёгся.

— Перевал не прощает слабости, — сказал он уже другим тоном — жёстким, командирским. — Идём.

Мы пошли. Но воздух между нами стал плотным, как дым. Каждый мой вздох смешивался с его дыханием. Каждый шаг отдавался эхом в моём сердце.

Тропа сузилась. Слева — чёрная дыра, в которой ветер выл на сотне голосов, как стая голодных волков. Справа — скала, влажная, скользкая, с наростами мха, который неестественно светился в темноте. Даркэн взял меня за руку — молча, как само собой разумеющееся. Его пальцы переплелись с моими. Горячие. Шершавые. Надёжные.

— Не отпускай, — сказал он.

— Не собиралась.

Мы двигались медленно, осторожно. Я смотрела под ноги — туда, где в пропасть сыпались мелкие камешки, — но краем глаза ловила его профиль: высокие скулы, шрам на скуле, губы, которые я теперь знала на вкус. Он чувствовал мой взгляд — я видела, как дрогнули уголки его губ, как чуть заметно расширились зрачки.

Ещё немного, — подумала я. — Ещё немного, и я забуду, зачем мы здесь.

В этот момент он замер.

— Стой, — его голос стал стальным.

Я остановилась. Сердце пропустило удар.

— Что там?

— Чувствуешь?

Я прислушалась. Сначала — ничего. Только ветер. Потом — шорох. Множественный, сухой, будто тысяча когтей скребёт по камню. И запах — затхлый, кислый, как от давно не проветриваемого подвала. Запах гнилой плоти и древней злобы.

— Твари из Разлома, — сказал Даркэн. — Буря разбудила их. Они голодны.

Я посмотрела в темноту. Там, где тропа уходила вниз, клубилось серое месиво. Оно двигалось. Оно дышало.

— Сколько их? — мой голос прозвучал ровнее, чем я ожидала.

— Сотни, — он выпустил мою руку. Меч вылетел из ножен — чёрная сталь блеснула в свете трёх лун. — Пришло время, Лина.

— Для чего?

— Для того, чтобы ты перестала бояться своего огня. И начала им управлять.

Из темноты выползли твари.

Я не знала, как их назвать. Они напоминали ящериц, но с человеческими глазами — жёлтыми, голодными, разумными. Серые, склизкие, с длинными когтями, которые оставляли борозды на камне. Они ползли по стенам, по потолку, по тропе — отовсюду. Их было не десять и не двадцать. Их было больше, чем я могла сосчитать.

— Даркэн... — прошептала я.

— Я здесь, — ответил он. Спокойно. Твёрдо. — Не отходи.

Первая тварь прыгнула.

Он встретил её мечом — одно движение, и чёрное тело развалилось надвое. Жижга брызнула на камни, зашипела, задымилась. Вторая, третья, пятая — он рубил без остановки, без пауз, как машина. Меч свистел, разрубал, отбрасывал. Но я видела: его дыхание уже сбилось. Плечи тяжелели.

Их было слишком много.

Одна тварь проскользнула слева. Я не успела крикнуть — она прыгнула на меня.

Реакция пришла раньше мысли. Моя рука взметнулась. Огонь вырвался из ладони — не искра, не слабая струйка. Белая стена пламени, плотная, как камень. Тварь заверещала — высоко, по-детски — и рассыпалась пеплом, даже не коснувшись меня.

— Хорошо! — крикнул Даркэн. — Держи удар!

Я развернулась. Новый враг — огонь. Ещё один — пламя. Я перестала думать. Просто чувствовала. Колодец внутри, который проснулся вчера, теперь работал на меня. Жар поднимался от живота к груди, от груди к рукам, от рук к кончикам пальцев. И я выпускала его наружу — не сдерживая, не боясь.

Твари визжали, горели, падали в пропасть. Даркэн рубил справа, я жгла слева. Мы двигались синхронно, как будто всю жизнь сражались плечом к плечу. Он прикрывал меня, я — его.

— Отступаем! — скомандовал он.

Мы попятились к скале. Я не переставала стрелять огнём. Он работал мечом. Метр, другой, третий. Твари лезли с новой силой. Я чувствовала, как на лбу выступает пот, как ноет плечо от отдачи магии.

— Лина! — крикнул он. — Сейчас или никогда. Открой колодец. Полностью.

— Я не знаю как!

— Знаешь. Просто перестань бояться.

Я закрыла глаза.

Представила тот самый колодец внутри. Глубокий, древний, полный жидкого золота. До этого я только приоткрывала крышку. Теперь я отбросила её прочь.

Огонь хлынул из меня — не из рук, из всего тела. Из глаз, изо рта, из каждой поры. Белое, чистое, всепоглощающее пламя. Оно ударило в тварей волной, сметая их, как сухие листья. Я слышала их визг. Слышала треск. Слышала, как камни плавятся под ногами.

А потом — тишина.

Полная, глубокая, звенящая.

Я открыла глаза.

Тропа была пуста. Ни одной твари. Только пепел, медленно оседающий в пропасть, и запах озона — как после грозы. И Даркэн — стоящий в двух шагах, с мечом в опущенной руке. Он смотрел на меня так, будто видел впервые.

— Лина... — его голос сел.

— Что? — хрипло спросила я.

— Ты сожгла их всех. Одним ударом.

— Я не знала, что могу.

— Теперь знаешь.

Он убрал меч в ножны. Сделал шаг ко мне — и вдруг покачнулся. Я бросилась к нему, подхватила под локоть. Его рука легла на моё плечо, тяжелая, горячая.

— Даркэн? Что с тобой?

— Всё нормально, — но голос был слабым. — Отходняк после боя. Драконы тоже устают. И стареют.

— Ты не старый, — сказала я, помогая ему сесть на большой плоский камень.

— По ощущениям — на все триста лет.

Он опустил голову, тяжело дыша. Рубашка на нём была разорвана на плече — там, где коготь всё-таки задел. Сквозь прореху виднелась смуглая кожа и три параллельные царапины. Не глубокие — уже затягивались.

— Ты ранен.

— Царапина. Перестань.

Я села рядом, почти вплотную. Плечо к плечу. Бедро к бедру. Чувствовала, как он дрожит — не от холода, от перенапряжения. От того, что сдерживал себя не только в бою.

— Даркэн, — тихо сказала я, разглядывая его профиль. — Тот момент, в расщелине... ты сказал, что боишься причинить мне боль. Не из-за тварей. Из-за себя?

Он молчал. Смотрел в пропасть, где медленно оседал пепел. Я видела, как напряглась его шея, как заходили желваки.

— Да, — сказал он наконец. — Я боюсь, что однажды моя сила проснётся в неподходящий момент. И я убью тебя. Не враги. Я.

— Ты не убьёшь.

— Откуда ты знаешь? Ты меня не знаешь.

— Знаю, — возразила я. — Видела, как ты сражаешься. Как держишь меч. Как смотришь на меня. Если бы ты был опасен — я бы чувствовала. Моя метка реагирует на угрозу.

Я поднесла запястье к его глазам. Золотой дракон на коже пульсировал ровно, спокойно. Никакой тревоги.

Он посмотрел на метку, потом на меня. В его взгляде — не лава, а что-то живое, уязвимое. То, что он никому не показывает.

— Десять лет на границе, — сказал он глухо. — Я видел, как драконы теряют контроль. Как они убивают тех, кого любят. Я поклялся, что со мной этого не случится.

— И не случится, — твёрдо сказала я.

— Ты не можешь знать.

— Могу. Потому что ты десять лет сдерживал себя. Потому что ты мог убить меня в камере — и не убил. Потому что сейчас, когда я сожгла сотни тварей, ты не отшатнулся. Ты посмотрел на меня с гордостью.

Он усмехнулся — криво, почти болезненно.

— Ты слишком в меня веришь.

— А ты слишком мало в себя.

Он повернулся ко мне. Наши лица оказались так близко, что я чувствовала его дыхание — горячее, прерывистое, с запахом дыма и металла. Его глаза — уже не янтарные, почти чёрные от расширенных зрачков — смотрели в мои.

— Лина, — прошептал он. — Если я тебя сейчас поцелую — я не смогу остановиться. И не только здесь.

— А если я тебя поцелую?

Он замер.

Я медленно — так медленно, что он мог бы отстраниться тысячу раз — наклонилась к нему. Сначала коснулась его щеки кончиками пальцев. Затем — губами его скулы, там, где шрам. Он вздрогнул, но не отстранился.

Потом мои губы нашли его губы. Легко, почти невесомо. Пробный шар. Я чувствовала, как его рот горяч, как сухая кожа, как бьётся пульс под челюстью.

Он не ответил. Секунду. Другую. Я уже хотела отстраниться — вдруг ошиблась?

Но тут его рука взметнулась к моей талии, притягивая меня к нему. Жёстко, собственнически. Пальцы другой руки запутались в моих волосах, фиксируя затылок. И он поцеловал меня в ответ — глубоко, жадно, так, будто ждал этого всю свою долгую, усталую жизнь.

Мир перестал существовать.

Не стало ни пропасти, ни скал, ни трёх лун. Только его губы, его язык, его горячее дыхание. Только стук его сердца — сначала хаотичный, потом постепенно замедляющийся, успокаивающийся под моими пальцами. Только жар, который поднимался от моего колодца и смешивался с его жаром.

Метка на моём запястье вспыхнула так ярко, что я заметила это даже с закрытыми глазами.

Он отстранился первым. Дышал тяжело. Лоб прижался к моему лбу. Нос к носу. Его веки дрожали.

— Если мы сейчас не остановимся, — прошептал он, — я понесу тебя в ту расщелину и не выпущу до утра.

— А что, если я не хочу останавливаться?

Он открыл глаза. В них — лава, но уже не злая. Тихая, как огонь в камине. Глубинная, как тот самый колодец.

— Ты не представляешь, чего мне стоит сказать «нет».

— Тогда не говори.

Он провёл большим пальцем по моей нижней губе. Осторожно. Почти благоговейно.

— Перевал, — напомнил он. — Мы должны пройти Перевал. Там, за ним, — Ничьи земли. Там никто не найдёт нас. Там можно будет...

— Что? — прошептала я.

— Всё.

Он встал. Протянул мне руку.

Я взяла её. Его пальцы переплелись с моими — на этот раз иначе. Не как командир с веном. Как мужчина, который выбрал женщину.
Мы пошли дальше — по тропе, над

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.